
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306851 7

И. А. КРЫЛОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТОМЪ I.

Басни Крылова.

Полное собраніе, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора, иллюстраціями къ баснямъ, объяснительными примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ.

ИЗДАНІЕ К. И. ТИХОМИРОВА,
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства
и Московской Коммиссіи Народныхъ Чтеній.
Кузнецкій мостъ, книжный магазинъ.
Москва. 1898.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

Дозволено цензурою. Москва, 20 февраля 1898 года.

МОСКВА.
Типо-литографія Н. И. Гросманъ и К°, Маросейка, Малый Златоустовскій пер., домъ Хвощинскаго.
1898.

И. А. КРЫЛОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ТОМЪ I.

Басни Крылова.

Полное собраніе, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ автора, иллюстраціями къ баснямъ, объяснительными примѣчаніями и алфавитнымъ указателями.

Учен. Комит. Мин. Народн. Просвѣщ. допущены въ ученич. библ. средн. учебн. завед. и въ учител. и ученич. библ. низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя читальни.

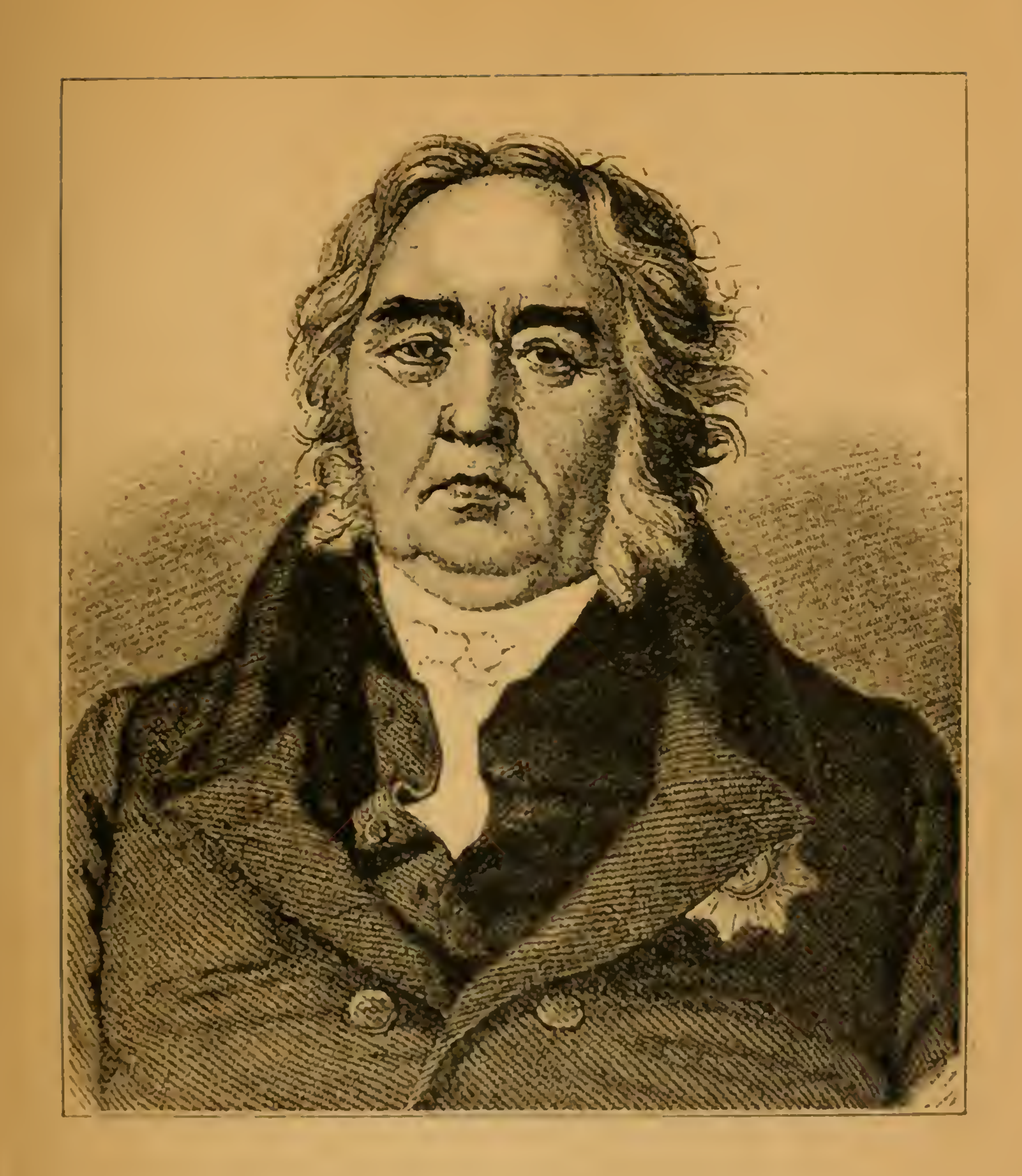
Въ обложкѣ 60 коп.

Въ тисненомъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб.

ИЗДАНІЕ К. И. ТИХОМИРОВА,
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства
и Московской Коммиссіи Народныхъ Чтеній.
Кузнецкій мостъ, книжный магазинъ.
Москва, 1898.

И. А. КРЫЛОВЪ.*)

(1768 — 1844).

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ Москвѣ 2 февраля 1768 года. Онъ былъ сынъ бѣднаго армейскаго офицера, который принималъ участіе въ войнѣ съ бунтовщикомъ Пугачевымъ (въ 1777 году) и отличился храброй защитой Яицкаго города. По усмиреніи бунта, отецъ Крылова оставилъ военную службу и получилъ мѣсто въ губернскомъ магистратѣ въ г. Твери. Онъ былъ человѣкъ рѣдкой честности и умирая оставилъ семью въ крайней бѣдности, передавъ въ наслѣдство сыну честное имя да сундукъ съ книгами, за чтеніе которыхъ съ жадностью принялся молодой Крыловъ. Въ числѣ этихъ книгъ были и французскія, что побудило Крылова заняться французскимъ языкомъ. Французъ, учитель дѣтей у предсѣдателя казенной палаты, взялся помочь ему въ этомъ дѣлѣ: подъ его руководствомъ Крыловъ усердно читалъ французскія книги, ничего въ нихъ не понимая; а потомъ самъ сталъ прибѣгать къ словарю и такимъ образомъ выучился языку. Мать Крылова, Марья Алексѣевна, всячески поощряла

*) Здѣсь помѣщены краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, его полная біографія находится во второмъ томѣ.

занятія сына: въ награду за прилежаніе мальчикъ каждый разъ получалъ по нѣскольку копеекъ, которыя онъ копилъ, а потомъ употреблялъ на улучшеніе одежды.

По четырнадцатому году Крыловъ поступилъ на службу въ судъ писцомъ; потомъ съ матерью онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, поступивъ на службу съ жалованьемъ въ годъ двадцать пять рублей ассигнаціями, онъ продолжалъ учиться по книгамъ и сталъ пробовать сочинять самъ. Крыловъ съ дѣтства любилъ бывать среди простого народа, прислушивался къ простонародной рѣчи, подхватывалъ мѣткія словечки, пословицы, прибаутки,—оттого, когда онъ сталъ писать, онъ сразу заговорилъ такимъ сильнымъ, здоровымъ, живымъ русскимъ языкомъ, какъ никто другой. Сначала онъ пробовалъ писать комедіи, издавалъ сатирическіе журналы, въ которыхъ смѣялся надъ тогдашнимъ пристрастіемъ русскаго общества ко всему иностранному, особенно французскому; но потомъ онъ понялъ, что настоящее его призваніе писать басни.

Крылову было сорокъ лѣтъ отъ роду, когда въ первый разъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ его двадцать три басни. Въ числѣ ихъ были такія какъ: «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Слонъ и Моська» и т. д. Книжка эта сразу понравилась читателямъ всѣхъ сословій и возрастовъ: всѣ искренне и неподдѣльно были восхищены остроуміемъ, благодушной и лукавой веселостью, правдивостью и мѣткостью автора; по баснямъ Крылова стали учить дѣтей грамотѣ: ихъ запоминали и повторяли взрослые; многія выраженія вошли въ пословицы. Басни сочиняли и другіе русскіе писатели, которые были до Крылова, но истин-

нымъ своимъ торжествомъ на Руси басня обязана Ивану Андреевичу: онъ одинъ у насъ истинный и великій баснописецъ.

Крылову выпало рѣдкое для писателя счастье: онъ еще при жизни видѣлъ полное и торжественное признаніе своего таланта не только въ Россіи, но и за границей. Императоръ Николай Павловичъ лично зналъ и весьма цѣнилъ баснописца: императрица Марія Ѳеодоровна часто приглашала его къ себѣ. Его басни были переведены на многіе иностранные языки: въ 1832 году 2 февраля вся Россія торжественно справляла пятидесятилѣтній юбилей его писательской дѣятельности. Оставивъ службу — съ 1812 года Иванъ Андреевичъ служилъ въ Императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ — и получивъ большую пенсію, Крыловъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни на покоѣ. Онъ умеръ, окруженный всеобщимъ почетомъ, 9 ноября 1844 года. Въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ Саду, ему поставленъ памятникъ: здѣсь дѣти играя могутъ постоянно видѣть своего любимаго «дѣдушку», окруженнаго звѣрями, которые такъ хорошо знакомы имъ по баснямъ.

Анекдоты объ И. А. Крыловѣ.

Въ характерѣ Крылова было много странностей, и про него еще при жизни ходило много анекдотовъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Крыловъ, какъ старый холостякъ, мало занимался своимъ туалетомъ и былъ вообще неряшливъ и разсѣянъ. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ во дворецъ для представленія

императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, А. Н. Оленинъ, который долженъ былъ представить его государынѣ, сказалъ ему:

— Дай-ка взглянуть на тебя, Иванъ Андреевичъ, все ли на тебѣ въ порядкѣ?

— Какъ же, Алексѣй Николаевичъ, неужели я поѣду неряхой во дворецъ? На мнѣ новый мундиръ.

— Да что же это за пуговицы на немъ?

— Ахти! Онѣ еще въ бумажкахъ, а мнѣ и невдомекъ ихъ раскутать.

Иногда разсѣянность его доходила до того, что онъ клалъ въ свой карманъ, вмѣсто носового платка, все, что ни попадалось въ руки, свое или чужое. За обѣдомъ сморкался онъ иногда то въ чулокъ, то въ чепчикъ, которые вытаскивалъ изъ своего кармана. Перчатокъ онъ никогда не носилъ ни зимою, ни лѣтомъ, считая ихъ безполезною роскошью. «Я вѣчно ихъ теряю,» говорилъ онъ: «да и руки у меня не зябнутъ».

* * *

Разъ Крыловъ пріѣхалъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ.

— Ничего, отвѣчалъ Крыловъ,—я подожду.

Съ этими словами онъ прошелъ въ гостинную, легъ тамъ на диванъ и заснулъ. Между тѣмъ, хозяинъ проснулся: входитъ въ комнату и видитъ лицо, совершенно незнакомое.

— Что вамъ угодно? спросилъ его Крыловъ.

— Позвольте лучше мнѣ сдѣлать вамъ этотъ вопросъ, сказалъ хозяинъ,—потому что здѣсь моя квартира.

— Какъ? Да вѣдь здѣсь живетъ Н?

— Нѣтъ. Теперь живу я здѣсь, а г. Н. жилъ, можетъ быть, до меня.

Послѣ этого разговора хозяинъ спросилъ и Крылова объ его фамиліи и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю, что видитъ у себя знаменитаго баснописца, и началъ просить его сдѣлать ему честь—остаться у него.

— Нѣтъ ужъ, отвѣчалъ Крыловъ:—мнѣ и такъ теперь совѣстно смотрѣть на васъ,—и съ этими словами ушелъ.

Памятникъ И. А. Крылова.

X.

Разъ въ смежномъ съ квартирой Крылова домѣ случился пожаръ. Люди Крылова, сообщивъ объ этомъ, бросились спасать разныя вещи и неотступно просили, чтобы онъ поспѣшилъ собрать свои бумаги и цѣнные предметы. Но онъ, не обращая вниманія на просьбы, крики и суматоху, не одѣвался, приказалъ подать себѣ чай и, выпивъ его не торопясь, еще закурилъ сигару. Кончивъ все это, онъ началъ медленно одѣваться; потомъ, выйдя на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе и, сказавъ: «Не для чего перебираться», возвратился на свою квартиру и улегся спокойно на диванъ.

* * *

У Крылова надъ диваномъ, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ, висѣла, сорвавшись съ одного гвоздя, наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то замѣтилъ ему, что и другой гвоздь, на которомъ она еще держалась, непроченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ,—уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать кривую линію и миновать мою голову.

* * *

По совѣту докторовъ, Крыловъ ежедневно гулялъ. Въ дождливое и ненастное время онъ избиралъ для прогулокъ второй ярусъ Гостинаго двора, который обходилъ нѣсколько разъ. Въ то время сидѣльцы обыкновенно самымъ назойливымъ образомъ зазывали прохожихъ въ свои лавки. Однажды они жестоко атаковали Крылова: — «У насъ самые лучшіе мѣха! пожалуйте! пожалуйте!» и почти насильно затащили его въ лавку. Онъ рѣшился ихъ проучить и сказалъ:

— Ну, покажите же, что у васъ хорошаго?

Сидѣльцы натаскали ему разныхъ мѣховъ. Онъ развертывалъ, разглядывалъ и говорилъ:

— Хороши, хороши, а есть ли еще лучше?

XI.

Притащили еще.

— Хороши и эти, да нѣтъ ли еще получше?

Еще разостлали передъ нимъ множество мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю лавку.

— Ну, благодарю васъ, сказалъ онъ наконецъ: у васъ много прекрасныхъ вещей! Прощайте!

— Какъ, сударь? Да развѣ вамъ не угодно купить?

— Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно. Я прохаживаюсь здѣсь для здоровья, и вы насильно затащили меня въ лавку.

Не успѣлъ онъ еще выйти изъ этой лавки, какъ сидѣльцы слѣдующей лавки подхватили его:—«У насъ самые лучшіе, пожалуйте-съ», и втащили его въ свою лавку. Крыловъ такимъ же образомъ перерылъ весь ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ и вышелъ. Сидѣльцы слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собой и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже узнали о его проказахъ изъ первой лавки. Съ тѣхъ поръ Крыловъ спокойно и свободно прогуливался по Гостиному двору и только откланивался на учтивые поклоны и веселыя улыбки своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ.

* * *

Какъ-то за обѣдомъ А. Н. Оленинъ сказалъ Крылову:

— Ни одинъ литераторъ не пользуется такой славой, какъ ты: твоихъ басенъ вышло болѣе десяти изданій.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? отвѣчалъ Крыловъ: Мои басни читаютъ дѣти, а это такой народъ, который все истребляетъ, что ни попадется въ руки. Поэтому моихъ басенъ много и выходитъ.

* * *

Однажды Крыловъ ѣлъ въ биржевой лавкѣ устрицы и по окончаніи завтрака хотѣлъ расплатиться, но не нашелъ кошелька, который забылъ дома.

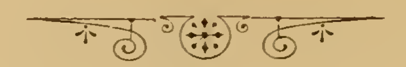
— Ну, мой милый, сказалъ онъ половому, — со мною случилась бѣда: я не взялъ съ собою денегъ, — какъ тутъ быть?

XII.

— Ничего, сударь, ничего, не извольте безпокоиться, — мы подождемъ.

— Да развѣ ты знаешь меня?

— Да какъ не знать васъ, батюшка Иванъ Андреевичъ, васъ весь свѣтъ знаетъ.

БАСНИ.

1806.

I.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: «воробей—и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть.
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,—
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой:
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела

Брега бурливаго эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
—«Ты очень жалостливъ», сказала трость въ отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ:
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій Аквилонъ.
Дубъ держится—къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ—и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

II.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха;
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.

Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ,
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ:
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты:
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
—«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила:
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ—
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,

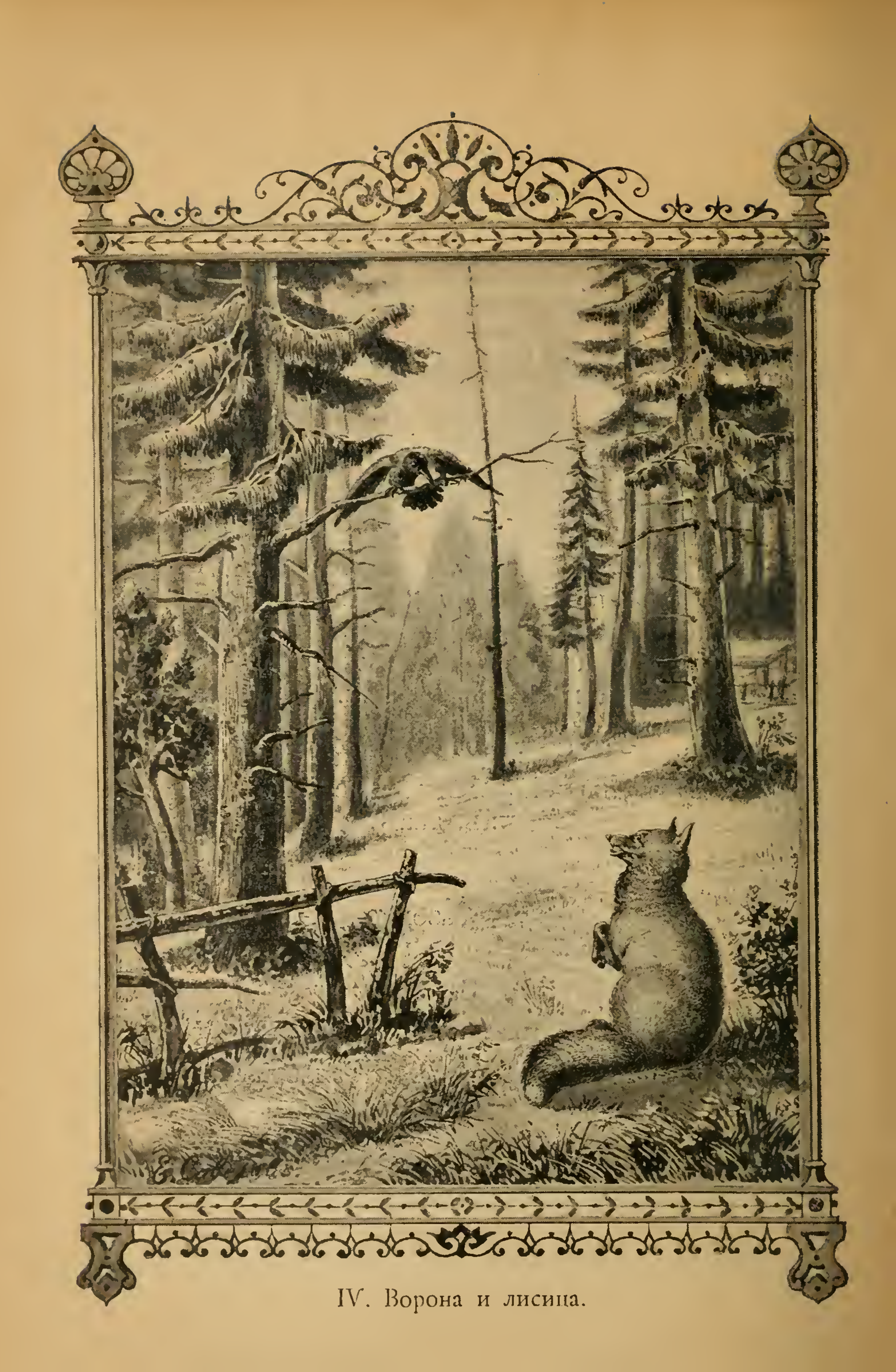
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

III.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
—«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта?»
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать столь дальніе расчеты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:

Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой».
—«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ:
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ».
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ:
Надеждой счастіе сперва ему польстило:
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

IV. Ворона и лисица.

1808.

IV.

ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

—

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ,—лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать — такъ, право, сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица?
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,—
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

V. Лягушка и волъ.

V.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
—«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»
—«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?»—«Почти что ничего».
—«Ну, какъ теперь?»—«Все тожъ». Пыхтѣла да пыхтѣла.
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

—

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

VI.

ЛАРЧИКЪ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ;

VI. Ларчикъ.

Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою».
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной;
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И, какъ открыть его, никакъ не догадался.
А ларчикъ просто открывался.

VIII.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, левъ да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,
И, что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала,
И шлетъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,

VII. Левъ на ловлѣ.

Дѣлежъ располагаетъ
И говоритъ:—«Мы, братцы, вчетверомъ».
И начетверо онъ оленя раздираетъ.
«Теперь, давай дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ это часть моя
По договору:
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору:
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ».

VIII.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать—
И Боже сохрани, какъ худо!

—

Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
—«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него, такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.

Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ»... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти имъ оставилъ.
—«Что жъ», говорятъ онѣ, «и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричатъ, визжатъ—веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ:
И всѣхъ ихъ побрали руками.

VIII. Обезьяны.

IX.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать:
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало,
И закружилась голова.
—«Помилуй ты меня», сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любоваться тутъ? твой хоръ
Горланитъ вздоръ!»
—«То правда», отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ».

—

А я скажу: по мнѣ—ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

X.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Грецін вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали:
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ ословъ.
Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ:—«Не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ:
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли».

«Смотрите-же», кричитъ одинъ: «не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку-братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ».
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

—

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XI.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

—

Жилъ нѣкто, человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.

Мнѣ скажутъ: «а лужокъ, а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ:
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но, какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ:
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ:
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:

XI. Пустынникъ и медвѣдь.

— «Приляг-ка, брат, и отдохни,
Да коли хочешь, так сосни:
А я постерегу тебя здѣсь у досуга».
Пустынник был сговорчив: лег, зѣвнул,
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах: да он и не без дѣла:
У друга на нос муха сѣла—
Он друга обмахнул.
Взглянул—
А муха на щекѣ: согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй час-от-часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжник в лапы сгреб,
Присѣл на корточки, не переводит духу,
Сам думает:—«Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врозь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

XII.

ОРАКУЛ.

В каком-то капищѣ был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески отвѣты
И мудрые давать совѣты.
За то, от головы до ног
Обвѣшан и сребром и златом,
Стоял в нарядѣ пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушен
И ѳиміамом задушен.
В оракула всѣ вѣрят слѣпо:
Как вдруг—о чудо, о позор!—
Заговорил оракул вздор:
Стал отвѣчать нескладно и нелѣпо;

И кто къ нему зачѣмъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ, что молвитъ, то совретъ:
Ну такъ, что всякій дивовался,
Куда пророческій въ немъ даръ дѣвался!
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
Итакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ:
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

—

Я слышалъ — правда ль? — будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XIII.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ:
Но мы исторіи не пишемъ,
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

—

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: — «Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»

— «Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу».
— «Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»

XIII. Волкъ и Ягненокъ.

— «Помилуй, мнѣ еще и отъ-роду нѣтъ году»,
Ягненокъ говоритъ. — «Такъ это былъ твой братъ».
— «Нѣтъ братьевъ у меня». — «Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи —
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за нихъ развѣдаюсь грѣхи».
— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! усталъ я слушать;
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать».
Сказалъ — и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

XIV.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ.

Попрыгунья стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! Съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ:
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
— «Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
— «Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило».
— «А, такъ ты...» — «Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла».
— «Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!»

XV.

ОРЕЛЪ И КУРЫ.

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ налюбоваться,
Орелъ поднебесью леталъ
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молніи родятся.
Спустившись, наконецъ, изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для орла насѣстокъ незавидный,
Но у царей свои причуды есть:
Быть можетъ, онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣсть,
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что орелъ
Немного посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуетъ такъ съ своей кумой:
—«За что орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка—сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать орловъ знатнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сейчасъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры».
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
—«Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже куръ спускаться;
Но курамъ никогда до облакъ не подняться!»

Когда таланты судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XVI.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И лошадей, мучитель,
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ. Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель.
Но, знать, рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади, хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва-едва тянули.
Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?
Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится:
То подъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То, вмѣсто кучера, на козлы вдругъ садится;
Или, оставя лошадей,
И вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей;
Ну, словно откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ никто
Никакъ помочь не хочетъ.
Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ;
И муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-шагъ, понемногу,

Встащилися на ровную дорогу.
—«Ну», муха говоритъ: «теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть:
Меня насилу крылья носятъ».

—

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть,
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XVII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ:
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,—
«Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ».
— «О плуты!» слонъ кричитъ: «какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?»
А волки говорятъ: — «Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы.
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать».
—«Ну, то-то жъ», говоритъ имъ слонъ: «смотрите!

Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ».

XVIII.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ:
Лишь то бѣда: висятъ онѣ высоко;
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою:—«Ну, что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ; ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

XIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
—«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ;

XVIII. Лисица и виноградъ.

И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»
Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась въ мигъ
И говоритъ:—«Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
—«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку».

—

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

XX.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
—«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ, эхъ!» ей моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,

XX. Слонъ и моська.

Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
— «Ай моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на слона!»

1809.

XXI.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

—

Купчина выстроилъ амбары
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары.
А чтобъ мышиный родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ мышей купчина:
По кладовымъ и день и ночь дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У кошекъ, какъ у насъ,—кто этого не знаетъ?—
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ, и виноватый
Скорѣй съ двора долой.

Безъ кошекъ сталъ купчина мой.
А мыши лишь того и ждали, и хотѣли:
Лишь кошки вонъ, онѣ—въ амбаръ,
И въ двѣ иль три недѣли
Поѣли весь товаръ.

XXII.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу,
Въ углу,
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался:
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался.
И. весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ.
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ.
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ. ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ.
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ:
А ежели мѣшокъ открытъ.
То всякій на него умильно такъ глядитъ:
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя. что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался:
Заумничалъ. зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести:
О всемъ и рядитъ онъ. и судитъ:
И то не такъ,

И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ,
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

—

Мы басней никого обидѣть не хотѣли.
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли;
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ, пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали;
Съ которыми теперь и графы, и князья—
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ.
Велико дѣло—милліонъ!
Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

XXIII.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;

Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ:
И радость и печаль — все было пополамъ;
Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть,
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
«Куда ты?» говоритъ сквозь слезъ ему другой:
«Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!
Куда жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я несчастья;
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: «Ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?»
Растрогала рѣчь эта голубка:
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
—«Не плачь, мой милый», такъ онъ друга утѣшаетъ:
«Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,

И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной».
Тутъ—дѣлать нечего—друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался;
Кой-какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;
Но ни отъ вѣтру онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ,—летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился—въ сѣти тутъ попалась наша птичка!
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется.
По счастью, сѣть стара; кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ да крылышко помялъ;
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:
Отколь ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта голубь мой!
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкороткѣ! совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ:
Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой—

И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ голубь милый,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ голубка,
(Сей возрастъ жалости не знаетъ)
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

—

О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь пускайтеся не вдругъ,
Что бъ ни сулило вамъ воображенье ваше:
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

XXIV.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ:
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:

Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись — и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,

XXIV. Моръ звѣрей.

Уставили глаза и приложили уши.
«О други!» началъ левъ: «по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ.
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,

Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь — хоть это мнѣ и больно —
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха! —
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно;
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть, —
И было бы богамъ то болѣе угодно».
— «О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ
Ихъ чаще такъ учить; имъ это по дѣломъ:
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ».
Окончила лиса: за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.
За львомъ медвѣдь, и тигръ, и волки въ свой чередъ
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.

И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ:—«И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ».
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки:
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ, у насъ и моръ такой!»
Приговорили—
И на костеръ вола взвалили.

—

И въ людяхъ такъ же, говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

XXV.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ:—«Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

—

Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

XXVI.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно левъ за спесь наказанъ комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:
Сухое къ комару явилъ презрѣнье левъ:
Зло взяло комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся комаръ на льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши льву онъ трубитъ.
И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча,
Орломъ на льва спустился,
И льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ комаръ, да онъ же и не труситъ:
Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосетъ.

Левъ голову крутитъ, левъ гривою трясетъ,
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.
Вздурился левъ:
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами,
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ;
Отколь у всѣхъ взялися ноги!
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ!
И кто жъ? комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался левъ и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость комаръ; льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XXVII.

РОЩА И ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять яснѣй,
Послушай басенки моей.

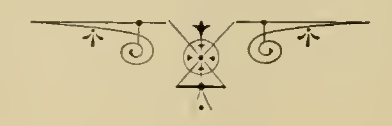
—

Зимою огонекъ подъ рощей тлился:
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ-отъ-часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ: огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,

XXVII. Роща и огонь.

И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?»
—«Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
—«Бездѣлица!» огонь ей продолжаетъ:
«Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ!
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ. Огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ,—и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

XXVIII.
ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ:
Дородствомъ, ростомъ— великанъ:
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ приступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку:
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не пригладѣлся свѣтъ.
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули.
Потомъ къ царю подползть съ преда́нностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ:
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ:
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ:
А тамъ, которыя еще поудалѣй,

XXVIII. Лягушки, просящія царя.

Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу.
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ иного нрава:
Не любитъ баловать народа своего:
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого:
Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ—то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый день великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя иного:
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ:
Что даже имъ нельзя (какъ это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно:
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
— «Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ:
Другой вамъ данъ—такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!»

XXIX.
ЛЕВЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Быть сильнымъ—хорошо, быть умнымъ—лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума—сокровище плохое.
Раскинувши тенета межъ деревъ,
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался.
—«Умри, презрѣнна тварь!» взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
«Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишься царемъ!
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость».
—«Не сила, разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ»,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
«И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь уступить».
—«О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать».
—«Не въ сказкахъ, доказать я дѣломъ то могу;
А, впрочемъ, ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни: между деревьевъ сихъ
Трудовъ моихъ
Раскинуту ты видишь паутину.
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ?
Коль хочешь, я пролѣзу напередъ;
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ
Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною

Ты прямо сквозь нее едва ль пройдешь за мною».
С презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
—«Ступай туда», сказалъ надменно левъ:
«Вмигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою».
Тутъ мой ловецъ, не тратя лишнихъ словъ,
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять готовъ.
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился;
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился:
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался (ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло):
Искусство силу одолѣло,
И бѣдный левъ погибъ.

1811.

XXX.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ,
И дюжъ, и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ-обо-дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій краснобай, названый другъ природы,
Недоученый философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды:
Однакожъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
«Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду:
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, я и тому дивился,

Что огородишко твой кое-какъ идетъ.
Какъ ты еще не разорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?»
— «И некогда», сосѣда былъ отвѣтъ:
«Прилежность, навыкъ, руки—
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ».
— «Невѣжда! возставать противъ наукъ ты смѣешь?»
— «Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ:
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ».
— «А вотъ, увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться»...
— «Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ».
— «Да, я не взрылъ, за недосугомъ:
Я все читалъ
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ;
Но время еще не уйдетъ».
— «Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ»,
Послѣдній отвѣчалъ,—и тутъ же съ нимъ разстался,
Взявъ заступъ свой;
А философъ пошелъ домой;
Читалъ, выписывалъ, справлялся;
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ—
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А философъ—
Безъ огурцовъ.

XXXI.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать:
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню:
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
— «Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ:
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены».
— «А вы хотите быть за что отличены?»
Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки»... — «Знаю
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?»
— «Да наши предки Римъ спасли!»
«Все такъ, да вы что сдѣлали такое?»
— «Мы? ничего!» — «Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое».

—

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

XXXII.

ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье».
Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
—«Изрядно», говоритъ: «сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

XXXIII.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
—«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».
—«Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ»,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
—«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
—«Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень иссушится,
Не станетъ дерева, ни васъ».

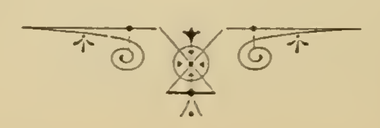
XXXIV.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы:
Летятъ стадами птицы:
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ и самый тороватый
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ:
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ-свояси уплыла.
Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

—

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

XXXV.

ОТКУПЩИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ:
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ:
По всякій день давалъ пиры, банкеты:
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край:
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда,
Иль, просто, трусить разориться:
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ: но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать, такъ власти нѣтъ:
Просилъ, такъ просьба не беретъ:
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
— «Пріятель дорогой, здорово!»
— «Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово».
— «Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
— «Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»
— «Такъ оттого-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?»

—«На Бога грѣхъ роптать,—и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда:
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой—кто этого не знаетъ?—
Живется какъ-то веселѣй».
—«И деньги есть?»—«Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй».
—«Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?»
—«Я этого не говорю:
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю:
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало:
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало».
—«Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ,—
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди—дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги.
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, летомъ:
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночью въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!):
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:

Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И, наконецъ, за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику,
И говоритъ: «Спасибо на пріятствѣ:
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ:
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ и милліонъ».

XXXVI.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка:
А воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это вороненка.
Да только думаетъ онъ такъ: — «Ужъ брать, такъ брать,
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну, только ль въ стадѣ что ягнята?
Вотъ я, какъ захочу,
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!»
Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ, наконецъ,
Барана, да какого?
Прежирнаго, прематерого,
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь на него спустился,
И въ шерсть ему, что силы есть, впѣпился.

Тогда-то онъ узналъ, что добычь не по немъ:
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окорнали
И дѣтямъ отдали играть.

—

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

XXXVII.

ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.

Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ, и какъ, и почему:
Притомъ же, кажется, ему
Зажмурясь въ басняхъ можно вѣрить.
И стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены подагра съ паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти—бремя,
Пока они не по мѣстамъ),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: — «Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ.
Вонъ, видите ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота:
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета».
— «Мнѣ хижинъ ни за что не надо»,
Сказалъ паукъ. — «А мнѣ не надобно палатъ»,
Подагра говоритъ: «пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада:
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора».
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились
въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расписѣченымъ
И по карнизамъ золоченымъ
Онъ паутину разосталъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ.

Но къ ра́зсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался:
Оттолѣ паука метлой.
Туда, сюда паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньи, и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
«Чай, въ селахъ», говоритъ, «живетъ она царицей».
Пришелъ—а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ неюноситъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
«Нѣтъ, братецъ», говоритъ она: «не жизнь мнѣ въ полѣ!»
А братъ
Тому и радъ.
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался,
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Architect Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же тотчасъ въ дорогу:
Простилася съ селомъ,
Въ столицу прибыла и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,

Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ:
И оба дѣлаютъ умно.

XXXVIII.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ:
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
—«Стой, братцы, стой!» кричитъ мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите!
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы:
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ:
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
—«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:

XXXVIII. Квартетъ.

И ноты есть у насъ, и инструменты есть:
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

XXXIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ:
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою:
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
—«Нельзя ли», говоритъ, «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ:—«Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ:—«Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить».
—«Эхъ, братцы, это все не такъ»,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;

Возьми-ка у меня щенка любого
От жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
От сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить».
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

XL.

ВОЛКЪ И ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка волкъ начавъ помалу пріучать
Отцовскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилежнѣй примѣчать,
Нельзя ль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть, захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой,
И говоритъ:—Пойдемъ скорѣй со мной!
Обѣдъ готовъ: ничто не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть.
—«Постой-ка», волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать надо,

Каковъ пастухъ у стада».
—«Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ,—
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны,
И плохи, кажется, и смирны».
—«Меня такъ этотъ слухъ»,
Волкъ старый говоритъ, «не очень къ стаду манитъ:
Коль подлинно не плохъ пастухъ,
Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ.
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду!
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры».

XLI.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись,
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

—

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ:
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ—и ну надъ нимъ возиться.

Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;

XLI. Обезьяна.

И, наконецъ, она пыхтя насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

XLII.

СОВѢТЪ МЫШЕИ.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить
И, несмотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,

И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
        Отъ погребовъ до чердаковъ:
А для того совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
        Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
                Всегда умнѣе
        И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ:
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
                По платью иль по бородѣ.
        Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ совѣтъ:
        У коихъ же хвоста, къ несчастью, нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья,
Но такъ какъ это знакъ ихъ неумѣнья
                Иль нерадѣнья,—
        Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено: повѣщено собранье.
        Какъ ночь настанетъ на дворѣ:
        И, наконецъ, въ мучномъ ларѣ
                Открыто засѣданье.
        Но лишь позаняли мѣста,
        Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышь толкаетъ
        Мышонокъ молодой
        И говоритъ: «Какой судьбой
        Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
        И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ:
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, подполицу всю губитъ».
А мышь въ отвѣтъ: «Молчи! все знаю я сама,
        Да эта крыса мнѣ кума».

XLIII.
КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

«Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?»
Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, встрѣтясь съ нею.
«Я, право, о тебѣ жалѣю!
Послушай: мы теперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ
Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно,
И что бранитъ тебя весь свѣтъ,
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ иль обѣдъ
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну, стоятъ ли того всѣ куры?»
—«Кому такая жизнь сносна?»
Лисица отвѣчаетъ:
«Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти:
Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,—
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ».
—«Ну, что жъ?»
Крестьянинъ говоритъ: «коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю:
Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять.
Кому, какъ не лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?
Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься».
Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа
Вступила въ караулъ лиса.
Пошло у мужика житье лисѣ привольно:

Мужикъ богатъ, всего лисѣ довольно:
Лисица стала и жирнѣй,
Лисица стала и сытнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Некраденый кусокъ прiѣлся скоро ей,
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что, выбравъ ночку потемнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ:
А вору дай хоть миллiонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

XLIV.

ВОСПИТАНIЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ не какъ у насъ: у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ царскiй былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ:
А годовалый львенокъ
Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году левъ-отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣждой не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить,
И чтобъ, когда сынку придется царствомъ править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Кого жъ бы попросить, нанять, или заставить
Царевича царемъ на выучку поставить?
Отдать его лисѣ? Лиса умна,
Да лгать великая охотница она:
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
Такъ это, думалъ царь, не царская наука.
Отдать кроту? О немъ молва была,

Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ:
Безъ ощупи шага не ступитъ
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ:
И словомъ, слава шла,
Что кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь: подъ носомъ глаза кротовы зорки,
Да въ даль не видятъ ничего;
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взять ли барса? Барсъ отваженъ и силенъ,
А сверхъ того, великій тактикъ онъ;
Да барсъ политики не знаетъ,
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жъ царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться гораздъ,
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ недостоинъ.
Короче, звѣри всѣ, и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался не уменъ
И не ученъ.
По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, орелъ,
Который велъ
Со львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ львенка воспитать.
У льва какъ гору съ плечъ свалило.
И подлинно, чего, казалось, лучше было,
Царевичу царя въ учители сыскать?
Вотъ львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ кого ни спросятъ,

О львенкѣ ото всѣхъ лишь слышать похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И, наконецъ, приходитъ срочный годъ:
Царь левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ: тутъ царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ:
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: «Любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ:
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь;
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,
Чему ученъ ты, что ты знаешь,
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь?»
—«Папа», отвѣтствовалъ сынокъ, «я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто:
И отъ орла до перепелки,
Какой гдѣ птицѣ болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки.
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды:
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзда».
Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ:
Повѣсилъ головы совѣтъ,
А левъ-старикъ позднёнько спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился,
И не добро онъ говоритъ:
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій бытъ,
Кого звѣрьми владѣть поставила природа,
И что важнѣйшая наука для царей—
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей.

XLV.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась:
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась:
Въ сору, въ навозѣ изваляласъ:
Въ помояхъ по уши досыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
«Ну, что жъ, хавронья, тамъ ты видѣла такого?»
Свинью спросилъ пастухъ:
«Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ:
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?»
Хавронья хрюкаетъ:—«Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ да соръ:
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ».

—

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть:
Но какъ же критика хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть.

1812.

XLVI.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ:
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,

Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять:
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало:
Да важно говорить не всякому пристало:
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

—

Мужикъ-простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на землѣ.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли:
Однакожъ пятаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
«Постой же», думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое:
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ».
Тутъ взялъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу.
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ:
Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ, червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

XLVII.

ОРЕЛЪ И ПАУКЪ.

За облака орелъ
На верхъ кавказскихъ горъ поднялся.

На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.
«Хвала тебѣ, Зевесъ, что управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты»,
Орелъ къ Юпитеру взываетъ,
«И что смотрю оттоль на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ».
—«Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу!»
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ:
«Да ниже ль я тебя, товарищъ, здѣсь сижу?»
Орелъ глядитъ: и подлинно, паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И, кажется, орлу заткать онъ солнце хочетъ.
«Ты какъ на этой высотѣ?»
Спросилъ орелъ: «и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ; неужли ты доползъ?»
—«Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился».
«Да какъ же здѣсь ты очутился?»
—«Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвостѣ ты самъ меня занесъ:
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться:
Итакъ, передо мной прошу не величаться,
И знай, что я»... Тутъ вихрь, отколѣ ни возьмись—
И сдунулъ паука опять на самый низъ.

—

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ нерѣдко пауковъ

Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ
Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ будто бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной;
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

XLVIII.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша пастуха, ручей журчитъ сердито:
«Рѣка несытая! что, если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самого бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро».
Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ

И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой:
Но, ахъ! куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы;
Лишь трески слышны вдалекѣ.
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

—

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

XLIX.

ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ, «что́ я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо:
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.

Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,—
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
—«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ:
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ.
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ».
—«Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ:
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо».
—«Ну, не такое еще диво:
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:

Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
—«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
«Послушай-ка», тутъ перервалъ мой лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду».

L.

КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то поваръ-грамотей
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же возвратясь онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
«Ахъ ты, обжора! ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?»
(А Васька все-таки курченка убираетъ).
«Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ—
А ты... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ Васька плутъ! котъ Васька воръ!

L. Котъ и поваръ.

И Ваську де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ Васька все жаркое съѣлъ.

—

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

LI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;

Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй, спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «Ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
—«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте!»
Шумитъ другой:
«Я съ мѣста не сойду долой».
—«Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!»
Еще одинъ кричитъ.—«Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что и почему?»
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ дотого шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

LII.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку:
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И въ мигъ ворота на запоръ:
Въ минуту псарня стала адомъ.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
—«Огня!» кричатъ: «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,

LII. Волкъ на псарнѣ.

И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ;
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,

И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

LIII.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая:
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
«Ай, конь хваленый! То-то диво!
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ!
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень... Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой оселъ! Добро бы было въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тка насъ, какъ мы махнемъ!
Небось, минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!»
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь:
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ въ задъ, коня кидаетъ въ бокъ:
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ

На славу:
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ:
А применься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

LIV.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ».
—«Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «Я здѣсь останусь смѣло:
Вотъ ваши сестры, какъ хотятъ:
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»

Ворона подлинно осталась:
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

—

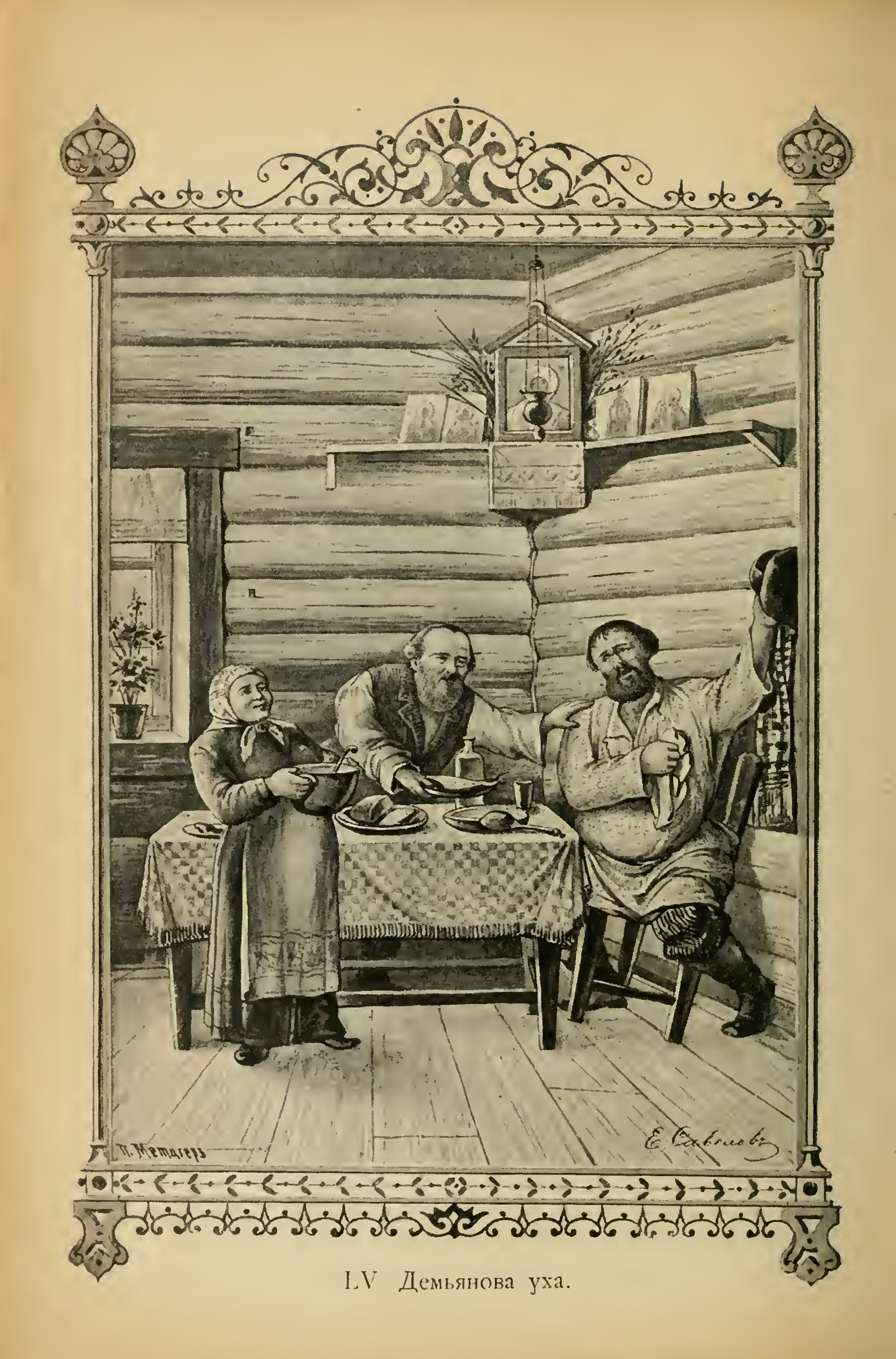
Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался, какъ ворона въ супъ.

1813.

LV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».— «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ».— «И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчевалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку:
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.— «Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.

LV Демьянова уха.

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

LVI.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

— «Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»
Лисицу спрашивалъ сурокъ.
— «Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала,
И я жъ за то подъ гнѣвъ попала!
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты — я на тебя пошлюся —
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько».
— «Нѣтъ, кумушка: а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху».

—

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;

И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь—помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,—
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

LVII.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

«Прощай, сосѣдка!» волкъ кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Все тѣ жъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки».
—«А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу?»
—«О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка, то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что̀ война;
Какъ агнцы, кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки;
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ!
Ужъ то-то тамъ мы заживемъ

Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой днемъ,
И не засни спокойно на ночлегѣ».
—«Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!»
Кукушка говоритъ: «а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь иль возьмешь съ собой?»
«Ужъ кинуть, вздоръ какой!»
—«Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы».

—

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни обернется,
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживется.

LVIII.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили,
На чистомъ полѣ задавили—
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ:
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
«Ба, ты, косой»,
Кричатъ ему: «пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ».
—«Вотъ, братцы!» заяцъ отвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу-то кто жъ?—все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка».
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка.

—

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

LIX.

ОРЕЛЪ И ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

—

Увидя, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
«Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться».
Пчела отвѣтствуетъ: «Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты!
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

LX.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ.
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

—

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ:
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
«Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится».
— «И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».
— «Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!» Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ:
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

LXI.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній царь впалъ въ страшное сомнѣнье:
Не болѣе ль вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣе ль поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ вонъ?
Но такъ какъ этотъ царь, свой украшая тронъ,
Душою всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью,—
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ не кудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ «да» иль «нѣтъ»,
То-есть, ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однакожъ какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской,—
Всякъ только дѣло затемнялъ,
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царскій.
Кто говорилъ, что неученье тьма:
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей небесныхъ,
Когда бы Онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Животныхъ безсловесныхъ,

И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали:
Что все ученье бредъ,
Что отъ него лишь нравамъ вредъ,
И что за просвѣщеньемъ вслѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче: съ обѣихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы,
А о наукахъ споръ остался не рѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе: созвалъ отвсюду онъ
Разумниковъ, изъ нихъ установилъ собранье
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
Но способъ былъ и этотъ худъ,
Затѣмъ что царь имъ далъ большое содержанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ:
И если бы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали
Да жалованье брали:
Но такъ какъ царь казною не шутилъ,
То онъ, примѣтя то, ихъ скоро распустилъ:
Межъ тѣмъ часъ-отъ-часу впадалъ въ сомнѣнье болѣ.
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле,
И видитъ предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый:
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И, видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣе ль полезны, или вредны?

«Царь!» старецъ отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны».
И, съ мыслями собравшись, началъ такъ:
«На берегу, близъ моря,
Жилъ въ Индіи рыбакъ:
Проведши долгій вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.
Но дѣти, видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей,
Не рыбой,—жемчугами;
И, зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ:
Одинъ, лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ даже не хотѣлъ и ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ волной:
А съ лѣностью такой
Едва-едва питался.
Другой,
Трудовъ нимало не жалѣя,
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырять искать по дну—
И жилъ, всечастно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
«Хоть жемчугъ находить близъ берега и можно,
Но, кажется, какихъ сокровищъ ждать не должно
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ?
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:

Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять».
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море
И, выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.
О царь!» примолвилъ тутъ мудрецъ:
«Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину:
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою»...

LXII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ
Не попустому жить безъ дѣла,
Нѣтъ, нянчить у него дѣтей она хотѣла.
(Хлѣбъ слаще нажитый трудомъ!)
«Я знаю», говоритъ она, «худую славу,
Которая у васъ, людей,
Идетъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлого нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ;
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Все это можетъ быть: но я не такова:
Я съ роду никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,

Что жить могу безъ жала;
И словомъ, я добрѣй
Всѣхъ змѣй.
Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!»
—«Коль это», говоритъ крестьянинъ, «и не ложно.
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей
Одной
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ черту не годится».

—

Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?...

1814.

LXIII.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ подъ горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистый въ лощинкѣ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однакожъ имъ она не долго веселилась:
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
«О боги», молится лягушка изъ норы:
«Меня вы, бѣдную, не погубите,

И землю вровень хоть съ горою затопите.
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И, наконецъ, Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
—«Безумная!» Юпитеръ говоритъ
(Знать, не былъ онъ тогда сердитъ):
«Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?»

—

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

LXIV.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой:
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три—и въ мигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
—«И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю.
Пойдемъ впередъ. Я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Завистники на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

LXV.
БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ стыду земныхъ племенъ,
Который дотого въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы, за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращой, шумя несутся въ поле;
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ
И заметать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ,
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что къ убѣжденію бунтующихъ не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
«Пождемъ»,
Юпитеръ рекъ: «а если не смирятся
И въ буйствѣ прекоснятъ, безсмертныхъ не боясь,—
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся».
Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомятежныхъ:
Но съ тысячью смертей, и злыхъ и неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

—

Плоды невѣрія ужасны таковы:
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

LXVI.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть:
Гдѣ озими разрыты:
Гдѣ мельницы посорваны и смыты:
Потоплено скота, что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно:
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили:
Потомъ взглянулись межъ собой
И, покачавши головой,
Пошли домой:
А отходя, проговорили:
«На что и время тратить намъ?

На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ».

LXVII.

ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей той тревогѣ,
Потерянный алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ.
«Какъ ты со всей своей игрой»,
Сказалъ огонь: «ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьѣ,
Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ иль лучъ мой, иль солнечный играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка, ленты лоскутокъ:
Какъ часто блескъ твой затмеваетъ,
Вокругъ тебя одинъ обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затмить мое сіянье,
Когда я, въ ярости моей,
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю:
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю,—
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!»
—«Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ»,
Алмазъ отвѣтствуетъ: «но я безвреденъ:
Не укоритъ меня никто ничьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;

А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь:
Зато, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ.
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу».
Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался:
Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.

LXVIII.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака,
Бумажный змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ мотылька,
«Повѣришь ли!» кричитъ: «чуть-чуть тебя мнѣ видно!
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ».
—«Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далека:
А я хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу:
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другого,
Пустого,
Вѣкъ цѣлый не трещу».

LXIX.

ТѢНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней—она впередъ: онъ шагу прибавлять—
Она туда жъ: онъ, наконецъ, бѣжать;

Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ:
Оглянется,—а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

—

Красавицы! слыхалъ я много разъ...
Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ!
А что бываетъ то жъ съ фортуною у насъ:
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

LXX.

ПРУДЪ И РѢКА.

«Что это?» говорилъ рѣкѣ сосѣдній прудъ:
«Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки:
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ:
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ;
Не только что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ забросить вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась я смотрю на суету мірскую—
И философствую сквозь сонъ».
— «А философствуя ты помнишь ли законъ,»
Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ,
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это оттого, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
Зато по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный прудъ годъ-отъ-году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И, наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

—

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

LXXI.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
«Голубчикъ», деревцо сказало молодое:
«Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ.

Я не могу расти въ покоѣ;
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы, —
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалось красою сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина».
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ деревца большой очистился просторъ:
Но торжество его не долго было!
То солнцемъ дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ, наконецъ, то деревцо сломило.
«Безумное!» ему сказала тутъ змѣя:
«Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ, укрытое въ лѣсу, ты возрастало,
Тебѣ бъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А если бъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло, —
Тогда, въ свою чреду, ты столько бъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бъ выдержать могло!»

LXXII.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!»
Про дождикъ говоритъ, на нивѣ камень лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуй — посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого;

А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:
Такъ я ужъ вѣки здѣсь: тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ:
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ».
— «Молчи!» сказалъ ему червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ:
А ты на нивѣ сей пустое только бремя».

—

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

LXXIII.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня:
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался.
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно ль?» говоритъ: «средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло».
Анъ смотришь — тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

LXXIV.

ОРЕЛЪ И КРОТЪ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ остаться въ немъ
И выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится:
Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря, —
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился!
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
«Несчастный!» онъ сказалъ:
«За гордость рокъ меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?»
— «Когда бы ты не презрѣлъ мною»,
Изъ норки кротъ сказалъ: «то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей,

И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй».

LXXV.

КОМАРЪ И ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ, надѣяся на псовъ.
Примѣтя то, змѣя изъ-подъ кустовъ
Ползетъ къ нему, вонъ высунувши жало:
И пастуха на свѣтѣ бы не стало:
Но, сжаляся надъ нимъ, комаръ, что было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшися, пастухъ змѣю убилъ:
Но прежде комара съ просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

—

Такихъ примѣровъ есть не мало:
Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,—
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

LXXVI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойникъ да корову.
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ:
Какъ вдругъ разбойнику попался.
Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ.
«Помилуй», всплачется крестьянинъ: «я пропалъ.
Меня совсѣмъ ты доконалъ!
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался:
Насилу этого дождался дня».

— «Добро, не плачься на меня»,
Сказалъ разжалобясь разбойникъ:
«И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ».

LXXVII.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

—

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

LXXVIII.

КЛЕВЕТНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ;
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому-то, въ аду
Змѣя съ клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенства оставить не хотѣли

И зашумѣли,
Кому изъ нихъ идти приличнѣй напередъ.
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ:
Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и не маломъ
Передъ змѣею клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ:
А передъ нимъ змѣя своимъ хвалилась жаломъ:
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести.
И силилась его переползти.
Вотъ клеветникъ было за ней ужъ очутился:
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился
И осадилъ назадъ змѣю,
Сказавъ: «Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правдѣ отдаю:
Ты зла; твое смертельно жало:
Опасна ты, когда близка:
Кусаешь безъ вины (и то не мало!):
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй».
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

LXXIX.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то всадникъ такъ коня себѣ наиколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.

«Такихъ коней и взнуздывать напрасно»,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну, право, вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша сѣдока.
Но смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю конь ретивый:
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался:
И сбросилъ, наконецъ, съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
Тутъ въ горести сѣдокъ,
«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною
Твоей бѣды.
Когда бы не́ снялъ я съ тебя узды,—
Управилъ бы, навѣрно, я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью бъ самъ столь жалкой не погибъ!»

—

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

LXXX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое:
Но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ.
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя:
И сердце чье о нихъ не заболитъ?»
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
«Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей!
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться, —
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла.
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ

Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милый соловей—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ,
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ лисѣ на низъ.
Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ съѣла—
И поученья не допѣла.

—

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ насчетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же такіе люди всѣ—
Съ родни моей лисѣ.

LXXXI.
ЧИЖЪ И ЁЖЪ.

Уединеніе любя,
Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя;
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось;
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!
Вотъ, въ блескѣ и во славѣ всей,
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему.
И въ срѣтенье ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.

Мой чижъ замолкъ. — «Ты что жъ»,
Спросилъ его съ насмѣшкой ежъ,
«Пріятель, не поешь?»
— «Затѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ»,
Сквозь слезъ чижъ бѣдный отвѣчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю».

—

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бъ Александра пѣлъ.

LXXXII.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о томъ донесся слухъ
(А царь былъ строгъ и не охотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье:
«А коль увижу де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ же всѣхъ судей вокругъ стола».
Судьямъ худыя шутки:
Въ холодный потъ кидаетъ ихъ боязнь.
Судьи толкуютъ трои сутки,
Какую бъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи; но опытами знаютъ,
Что всѣ онѣ людей отъ зла не отучаютъ;
Однакожъ, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ для объявленья
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ, съ общаго сужденья,

Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что царь велитъ повѣсить всѣхъ судей:
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ троеженецъ удавился.
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

LXXXIII.
ЛЮБОПЫТНЫЙ.

«Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?»
—«Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ.
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ—какъ изумрудъ, другія—какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»
—«А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
—«Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ».—«Ну, братецъ, виноватъ!
Слона-то я и не примѣтилъ».

LXXXIV.
БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дня на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ—вещь святая!

Вотъ, если бъ дѣло шло о деньгахъ—рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать:
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дня она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ, ну, даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ:
Но чѣмъ ту бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ:
И съ бочкой, наконецъ, онъ принужденъ разстаться.

—

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться:
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

LXXXV.

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ толкуя съ мудрецомъ
О томъ, о семъ,
«Скажи мнѣ», говоритъ: «ты свѣтъ довольно знаешь,
И, будто въ книгѣ, ты въ сердцахъ людей читаешь:
Какъ это, что мы ни начнемъ,
Суды ли, общества ль учены заведемъ,—
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжды тутъ вотрутся?
Ужли отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ?»

—«Не думаю,» сказалъ мудрецъ въ отвѣтъ:
«И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами)
Что съ деревянными домами».
«Какъ?»—«Такъ же: я вотъ свой достроилъ сими днями
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись».

LXXXVI.

ЛАНЬ И ДЕРВИШЪ.

Младая лань, своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный,
«О безразсудная!» сказалъ: «къ кому любовь!
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты роду чаешь?
Быть можетъ, нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь».
—«Быть можетъ», лань на это отвѣчала:
«Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когда бъ не стала я питать».

—

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

———

1815.

LXXXVII.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на-четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ.

LXXXVII. Тришкинъ кафтанъ.

А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава— и веселъ Тришка мой,

Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

—

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

LXXXVIII.

ТУЧА.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью хвалилась предъ горою.
«Что сдѣлала добра
Ты щедростью такою?»
Сказала ей гора:
«И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область цѣлую отъ голоду спасла:
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно».

LXXXIX.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслу ль, или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ:

А вылился оселъ, почти какъ бѣлка, малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому оселъ не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться,
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру оселъ спесивый мой,
И росту сталъ просить большого.
«Помилуй», говоритъ: «какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь:
Притомъ, съ великаго и до меньшого,
Все рѣчь о нихъ лишь да о нихъ:
За что жъ къ осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,
И объ ослахъ никто ни слова?
А если бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ».
Что день, то снова
Оселъ мой то жъ Зевесу пѣлъ,
И дотого онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ оселъ скотиной превеликой:
А сверхъ того, ему такой данъ голосъ дикій,
Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугалъ было весь лѣсъ.
«Что то за звѣрь? какого роду?
Чай, онъ зубастъ? роговъ, чай, нѣтъ числа?»
Ну, только и рѣчей пошло, что про осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ —
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

XC.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.

XC. Мартышка и очки.

«Тфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали,
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

—

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

XCI.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то, въ старину,
Левъ съ барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Судиться по правамъ—не тотъ у нихъ былъ нравъ;
Да сильные жъ въ правахъ бываютъ часто слѣпы.
У нихъ на это свой уставъ:
Кто одолѣетъ, тотъ и правъ.
Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драться—
И когти притупятся:
Герои по правамъ рѣшились разобраться:
Намѣрились дѣла военны прекратить,
Окончить всѣ раздоры,
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить
До первой ссоры.
«Назначимъ же скорѣй
Мы отъ себя секретарей»,
Льву предлагаетъ барсъ: «и какъ ихъ умъ разсудитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота:
Звѣрокъ хоть неказистъ, да совѣсть въ немъ чиста;
А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина,
И, къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина!
Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ ли стоятъ.
Положимся жъ на томъ,
На чемъ

Съ моимъ котишкомъ онъ устроитъ».
И левъ мысль барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не осла, лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этого разбору,
Промолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
«Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ, вѣрно, проку нѣтъ».

XCII.
СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ», говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спить безъ друга и не съѣсть;
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьи все свое блаженство ставить!
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась!
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».
—«А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,

Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки:
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно».
—«Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!»
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»—«Вотъ она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться:
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
«Орестъ мой!»—«Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть, злость!»
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки:
Послушать: кажется, одна у нихъ душа,—
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

XCIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ:

И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

—

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ—
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?»—«За что! болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

1816.

XCIV.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ—а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться:
Меня такъ голодъ и моритъ:
Собаки злы, пастухъ не спитъ:
Пришло хоть удавиться!»
—«Неужли?»—«Право, такъ».—«Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ!
Я куму услужить готова».
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного—
Да про запасъ кума ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

XCV.

СОБАКА.

У барина была собака шаловлива.
Хоть нужды не было собакѣ той ни въ чемъ.
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
И не подумала бы красть:
Но ужъ у ней была такая страсть:
Что изъ мясного ни достанетъ,
Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его пріятель не вступился
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ.
«Послушай, говоритъ: «хоть, кажется, ты строгъ,
Но ты лишь красть собаку пріучаешь.

Затѣмъ что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней».
Едва лишь на себѣ собака испытала
Совѣтъ разумный сей,
Шалить собака перестала.

XCVI.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ купилъ огромный домъ.
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность и уютъ—все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣды—
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
«Ну, что жъ?» онъ думаетъ: «въ своемъ добрѣ я властенъ:
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевесть
(Какъ видно, молодецъ механикой былъ страстенъ),
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ113 основанье,
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На новоселье я поѣду, какъ въ каретѣ».
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ механикъ мой:
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берегъ:

Однакожъ дома онъ перетащить не могъ
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

—

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

XCVII.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спесиво
И выставляли всѣмъ красу свою на диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ,
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
«Юпитеръ!» молятся: «ты дождикъ прекрати:
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже?
Смотри, нельзя по улицѣ пройти:
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи».
Однакоже Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.

А бѣдные цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы—и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

—

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

XCVIII.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

—

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лица,—
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,—
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

XCIX.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

--

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья
(А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью),
И думаетъ: «Постойте же, друзья!
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно, запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый скворушка, ну, что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

C.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ ѣвши никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть:
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный:
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

CI.

ХМЕЛЬ.

Хмель выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
«Что въ этомъ пользы есть уродѣ
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ тычинкѣ хмель жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,

С. Волкъ и журавль.

Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?»
Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой хмель ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала.

—

Такіе жъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь, такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись—
Онъ первый явится въ передней.

CII.

МЫШЬ И КРЫСА.

«Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?»
Вбѣжавши крысѣ мышь сказала:
«Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву.
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!»
—«Не радуйся, мой свѣтъ,»
Ей крыса говоритъ въ отвѣтъ:
«И не надѣйся попустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!»

—

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

CIII.

ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки-служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ—все равно:
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу:
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда бъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ—старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ ворча къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся—клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
«Добро же ты, нечистый духъ!»
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
«Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали:
Ужъ налъ тобою быть грѣху!»
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья

Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья:
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ—
Злодѣя ихъ не стало;
Да барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

—

Такъ, выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:
Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь—другія нажилъ хуже.

CIV.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ, звѣрями
Въ надсмотрщики медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бъ выбрать тутъ другого повѣрнѣй,
Затѣмъ что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не было бъ оглядокъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился;
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,

Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ:
Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу теплую забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

CV.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
«Смотри-ка», говоритъ, «кумъ милый мой!
Чтò это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

—

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

CV. Зеркало и обезьяна.

CVI.
РЫЦАРЬ.

Какой-то рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣній:
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня.
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:
«Послушай, ретивой и вѣрный конь, меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отыскивай въ храмъ славы!
Когда жъ карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду
И царства два-три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду,
Съ тобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Построить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны:
Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ,
Тогда жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова — пойло».
Тутъ рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ повода,
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

CVII.
КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой топоръ озлился:
Пошелъ топоръ въ худыхъ: мужикъ взбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ топоръ:

Бранить его, хоть какъ, мужикъ найдетъ причину.
«Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ этихъ поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножомъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ».
—«Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля,»
Смиренно отвѣчалъ топоръ на окликъ злой:
«Итакъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля:
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А все ножомъ избы не срубишь».

CVIII.

ЛЕВЪ И ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собачонка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ;
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ ко льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, промолвя такъ: «Дружокъ!
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

CIX.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЪ.

Собака, человѣкъ, да кошка, да соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренней, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій столъ:
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять
И, если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ, отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя;
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть.
Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, кошка въ лѣсъ,
И человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился:
Но вѣрный песъ
Со звѣремъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него впѣшился,
И, какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревѣлъ отъ боли и отъ злости,
Песъ, прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ.
А человѣкъ? Къ стыду, изъ насъ не всякій
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ, подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

—

На языкѣ легка и ласка и услуга;
Но въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выручень, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

CX.

ВОЛКЪ И ПАСТУХИ.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
«Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!»

CXI.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай слонъ попалъ у льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И такъ, какъ водится, пошли о томъ догадки,
Чѣмъ въ милость втерся слонъ?
«Не то красивъ, не то забавенъ онъ;
Что за пріемъ, что за ухватки!»
Толкуютъ звѣри межъ собой.
«Когда бы», говоритъ, вертя хвостомъ, лисица,
«Былъ у него пушистый хвостъ такой,

Я не дивилась бы».—«Или, сестрица,»
Сказалъ медвѣдь, «хотя бы по когтямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ,
Никто того не счелъ бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ».
—«Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?»
Вступился въ рѣчь ихъ волъ:
«Ужъ не сочли ли ихъ рогами?»
—«Такъ вы не знаете», сказалъ оселъ,
Ушами хлопая, «чѣмъ могъ онъ полюбиться
И въ знать добиться?
А я такъ отгадалъ:
Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ».

—

Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

CXII.

ФОРТУНА И НИЩІЙ.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ оконьемъ таскался
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже дотого,
Что, безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать:
Расторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать

И достальной свой вѣкъ спокойно доживать.
А промыселъ оставить свой другому—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота; но корабли разбило:
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой—тотъ въ откупа пустился
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И по дѣломъ: знай честь!
Тутъ нищему фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
«Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла:
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла».
Едва отъ радости мой нищій дышитъ
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой;
Сума становится ужъ тяжеленька.
«Довольно ль?»—«Нѣтъ еще».—«Не треснула бъ?»—
«Небось».
—«Смотри, ты Крезомъ сталъ».—«Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось».
—«Эй, полно! посмотри, сума ползетъ ужъ врозь».
—«Еще щепоточку...» Но тутъ кошель прорвался,

Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ:
Фортуна скрылася, одна сума въ глазахъ,
И нищій нищенькимъ попрежнему остался.

CXIII.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до куръ:
Однакожъ у него онѣ водились худо;
Да это и не чудо:
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезчуръ:
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой курятный дворъ
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ льву доносятъ, что лисица
Большая строить мастерица—
И дѣло ей поручено;
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все: и старанье и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье—заглядѣнье!
А сверхъ того все есть, чего ни спросишь тутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть пріютъ
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье
На новоселье куръ не медля перевесть.
Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ, и высокъ заборъ,

А куръ часъ-отъ-часу все менѣ.
Отколь бѣда, придумать не могли.
Но левъ велѣлъ стеречь. Кого жъ подстерегли?
Тое жъ лису-злодѣйку.
Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не ворвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

CXIV.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто, что-нибудь мы сдѣлавши худого,
Кладемъ вину въ томъ на другого,
И какъ нерѣдко говорятъ:
«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ:
Въ восточной сторонѣ какой-то былъ браминъ,
Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ своимъ житьемъ
(Есть и въ браминахъ лицемѣры):
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другіе жъ всѣ житья святого,
И, что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутого:
Такъ преступить никакъ устава ты не смѣй.
Однакожъ мой браминъ не унываетъ.
Вотъ постный день, а онъ смекаетъ,
Нельзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ.
Досталъ яйцо, полуночи дождался
И, свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся:

Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой и мысленно глотаетъ.
А про начальника смѣяся разсуждаетъ:
«Не уличишь же ты меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-таки я всласть».
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ брамину въ келью надзиратель.
И, видя грѣхъ такой,
Отвѣту требуетъ онъ грозно.
Улика на-лицо—и запираться поздно!
«Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье!»
Такъ взмолится браминъ сквозь слезъ:
«И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенье:
Ахъ, наустилъ меня проклятый бѣсъ!»
А тутъ бѣсенокъ изъ-за печки:
—«Не стыдно ли», кричитъ, «всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яица пекутъ на свѣчкѣ».

CXV.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризну мы фортунѣ торовиты:
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ;
А поглядишь, такъ сами виноваты.
Слѣпое счастіе, шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ гоститъ и у царей:
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погоститъ когда-нибудь пристанетъ:
Лишь время не терять умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянетъ:
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ.

Терпѣнья годы наградитъ;
Когда жъ ты не умѣлъ при счастьѣ поживиться,
То не фортунѣ ты, себѣ за то пеняй,
И знай,
Что, можетъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

—

Домишка старенькій край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжиться:
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится.
Кто что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха,
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина фортуны въ томъ была.
Вотъ невидимкой къ нимъ фортуна забрела
И, тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто: шутка ль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ, что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ;
Забылъ совсѣмъ, что есть накладъ,
И скоро сталъ, какъ Крезъ, богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ; иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою:
Теперъ ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ—
Иль чинъ, иль мѣсто схватитъ онъ:
Посмотришь, у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: что жъ третій получилъ?
Вѣдь, вѣрно, и ему фортуна помогала?
Конечно: съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,

Что диво!
Не знаю, прежде онъ бывалъ ли въ томъ гораздъ,
А тутъ труды его не втуне:
Какъ ни взмахнетъ рукой, благодаря фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще притомъ въ чинахъ; а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.

—

Читатель, будь ты самъ судьею:
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

CXVI.

АПЕЛЛЕСЪ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру пораженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшонъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.

—

Съ осленкомъ встрѣтясь, Апеллесъ
Зоветъ къ себѣ осленка въ гости:
Въ осленкѣ заиграли кости!
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ
И говоритъ звѣрямъ: «Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ!
Я имъ размученъ:
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса».
— «Нѣтъ», Апеллесъ сказалъ, случася близко тутъ:
«Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;

И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ:
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но этакихъ, какими ты богатъ,
Не только у ослятъ,
Но даже уословъ мнѣ видѣть не случалось».

CXVII.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ въ старину велось обыкновенье,
Когда кого хотятъ пышнѣе хоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ выть.
Вотъ нѣкогда на знатномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщицъ, поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожала вѣчный
На упокой.
Тутъ странникъ, думая, что въ горести сердечной
То рвется вся покойника родня,
«Скажите», говоритъ: «не рады ли бъ вы были,
Когда бъ его вамъ воскресили?
Я магъ; на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ—
Покойникъ оживетъ сейчасъ».
—«Отецъ!» вскричали всѣ: «обрадуй бѣдныхъ насъ!
Одной лишь милости притомъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакого,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выть по немъ наймутъ насъ, вѣрно, снова».

—

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему-нибудь годна.

CXVIII.

ВОДОПАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своей):
«Не странно ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться:
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?» — «Лѣчиться»,
Смиренно прожурчалъ ручей.

1817.

CXIX.

КУКУШКА И ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково голубка ворковала:
«Или о томъ, что миновала
У насъ весна
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?»
— «Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?»
Кукушка говоритъ: «Будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать:
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,

Какъ увиваются вкругъ матери утята,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплята;
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу
И, что есть дѣтская привѣтливость, не знаю».
—«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой нерѣдокъ;
Скажи жъ: такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала да летала».
—«Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней,
Въ гнѣздѣ я сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзда клала».
—«Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей горлинка на то сказала.

—

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ—
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

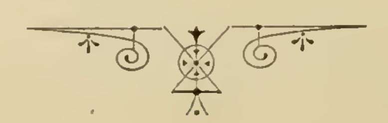
CXX.

СОЧИНИТЕЛЬ И РАЗБОЙНИКЪ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей
Въ одинъ и тотъ же часъ: грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю, наконецъ, попалъ),

Другой былъ славою покрытый сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ сирена, сладкогласенъ
И, какъ сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ:
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ разбойника большой костеръ взвалили:
Сама Мегера ихъ зажгла
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ,
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
Вотъ вѣки протекли—огонь не унимался.
Ужъ подъ разбойникомъ давно костеръ погасъ:
Подъ сочинителемъ онъ злѣй съ-часу-на-часъ.
Не видя облегченья,
Писатель, наконецъ, кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно:
Что онъ не думалъ быть разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
«Несчастный!» говоритъ она:
«Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И ты ль съ разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,

Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но разливаяся вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?—Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти
И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови—ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!»
Сказала гнѣвная мегера—
И крышкою захлопнула котелъ.

1818.

CXXI.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто: наконецъ,
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой,—
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но ласточку увидя, малый мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной:
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой:
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны!
Догадки малаго умны:
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы.
По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ окончинахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы,
И ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней
Дрожа насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
—«Проклятая! сгубила ты себя,
А понадѣясь на тебя,
И я теперь не во-время безъ шубы!»

CXXII.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути: свернувшись, будто ежъ,
Лежитъ чуть видное—не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И что жъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣву вспыхнувъ, тутъ Алкидъ
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ—
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и растетъ,
Застановляетъ солнца свѣтъ
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.
Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
«Оставь напрасный трудъ, мой братъ!» она сказала:
«Чудовищу сему названіе—раздоръ.
Не тронуто—его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится
И выростаетъ выше горъ».

CXXIII.

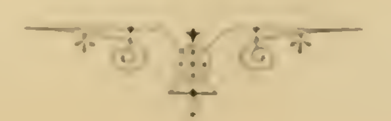
ГРЕБЕНЬ.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,

Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мягкіе, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, разчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однакоже, что гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокотилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
«Гдѣ гребень мой?»
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой, гребнишка!»
Кричитъ мальчишка;
А гребень говоритъ:—«Мой другъ, все тотъ же я,
Да голова всклокочена твоя».
Однакожъ мальчикъ мой отъ злости и досады
Закинулъ гребень свой въ рѣку.
Теперь имъ чешутся наяды.

—

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ:
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята:
Ее и слушаютъ и принимаютъ:
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей,
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ.

1819.

CXXIV.

СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь, такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

—

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупого:
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),
Котора яица несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

CXXV.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.

Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется:
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ:
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

—

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣловъ истинно—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

CXXVI.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю.
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ, спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
Итакъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай;
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

—

Охотникъ, взявъ ружье, патронницу, суму
И друга вѣрнаго по праву и обычью—
Гектóра—въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не заряля ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
«Вотъ вздоръ!» онъ говоритъ: «дорога мнѣ знакома,

На ней ни воробья не видѣлъ я родясь;
До мѣста жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ».
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ будто бы надъ нимъ фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ,
И нашему бъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когда бъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ,
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились—и за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ таскался:
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
Итакъ, охотникъ мой,
Измокши весь, пришелъ домой
Съ пустой сумой;
А все-таки пенялъ не на себя—на счастье.

CXXVII.

ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился,
Потомъ проснувшися онъ море клясть пустился.
«Ты», говоритъ, «всему виной!

Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ, ты насъ прельщаешь
И, заманя насъ, въ безднахъ поглощаешь».
Тутъ море, на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу явяся говоритъ:
«На что винишь меня напрасно?
Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно:
Когда жъ свирѣпствуютъ морскія глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли:
Я неподвижнѣе тогда земли».

—

И я скажу: совѣтъ хорошъ, не ложно,
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

CXXVIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Къ крестьянину вползла змѣя
И говоритъ: «Сосѣдъ! начнемъ жить дружно:
Теперь меня тебѣ стеречься ужъ не нужно:
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я
И кожу нынѣшней весной перемѣнила».
Однакожъ мужика змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: — «Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же».
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

—

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь ты мѣняй личину,
Себя подъ нею не спасешь,
И, что съ змѣей, съ тобой случиться можетъ то жъ.

CXXIX.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей левъ попался,
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался;
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со львомъ.

—

Иного также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

CXXX.

МУРАВЕЙ.

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена:
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.

На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво всползъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ,
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякаго забота тамъ своя.
Мой муравей то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.
Уставши, наконецъ, тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ».
И со стыдомъ отправился домой.

—

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ;
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

CXXXI.

ОВЦЫ И СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у овецъ,
Чтобъ волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число собакъ умножить.

Что жъ? Развелось ихъ столько наконецъ,
Что овцы отъ волковъ, то правда, уцѣлѣли,
Но и собакамъ надо жъ ѣсть:
Сперва съ овечекъ сняли шерсть,
А тамъ, по жеребью, съ нихъ шкурки полетѣли,
А тамъ осталося всего овецъ пять-шесть—
И тѣхъ собаки съѣли.

CXXXII.

ОСЕЛЪ И МУЖИКЪ.

Мужикъ, на лѣто въ огородъ
Нанявъ осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей не знакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку;
Но мужику барышъ былъ съ огорода плохъ:
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной.
«И ништо!» всѣ кричатъ: «скотинѣ по дѣломъ:
Съ его ль умомъ
За это дѣло браться!»

—

А я скажу—не съ тѣмъ, чтобъ за осла вступаться:
Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ),
Но, кажется, неправъ и тотъ,
Кто поручилъ ослу стеречь свой огородъ.

CXXXIII.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью издали шути, какъ хочешь, смѣло:
Но смерть вблизи— совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь опутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья и собаки:
Такъ драка не по немъ.
Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ
И говоритъ ловцу: «Мой другъ, какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,
Что злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не таковы!
Я, напримѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка».
— «То правда», отвѣчалъ на то ловецъ ему:
«Хвалю къ усопшимъ я почтенiе такое:
Зато, гдѣ случай ты имѣлъ,
Живой ужъ отъ тебя не вырывался цѣлъ:
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ».

CXXXIV.

КОЛОСЪ.

На нивѣ зыблемый погодой колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ,

Межъ тѣмъ какъ онъ и мошекъ верениц̑ѣ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
«За что вы, люди, такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказа нѣтъ у васъ:
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы?
Не главный ли доходъ твой съ нивы?
А, посмотри, въ какой небрежности она!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья,
Велѣлъ ли насъ полоть иль согрѣвать
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ: мы совсѣмъ расти оставлены на счастье;
Тогда какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ:
За стеклами растутъ въ пріютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ бы самъ-сотъ
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.
Подумай, выстрой-ка пошире намъ теплицу».
—«Мой другъ,» хозяинъ отвѣчалъ:
«Я вижу, ты моихъ трудовъ не примѣчалъ.
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Расчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ:
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождя жъ и вѣтру ты проси себѣ у неба;
А если бъ умный твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ, и былъ бы я безъ хлѣба».

—

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ иль гражданинъ,

Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходитъ иногда въ роптанье.
Имъ можно то жъ почти сказать и въ оправданье.

CXXXV.

МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать!
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать:
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

—

Крестьянина червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно:
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: «какъ пристанища не дать?
Ужли отъ червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ.»
Позволилъ — и червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.
Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣтъ все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ:
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.

Кто жъ въ кражѣ мальчику помочь взялся?—Червякъ.
«Послушай,» говоритъ: «я знаю это точно:
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однакожъ я берусь его достать;
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ:
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать».
Условье сдѣлано: мальчишка согласился;
Червякъ—на яблоню и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ червякъ долой,
То мальчикъ червяка расплющилъ подъ пятой.
Итакъ, ни червяка, ни яблока не стало.

CXXXVI.

ПАСТУХЪ И МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ.
На взморьѣ хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей.
Но видя всякій разъ, какъ съ моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ амбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился:

Распродалъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль и за море пустился.
Однакоже походъ его не дологъ былъ:
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась:
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде насъ овецъ своихъ:
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нуждою однакожъ, хоть большою,
(Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?)
Не спивъ того, не съѣвъ другого,
Скопилъ деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ нѣкогда на берегу морскомъ
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя
И видя,
Что на морѣ едва колышется вода
(Такъ море присмирѣло),
И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда,
«Мой другъ!» сказалъ: «опять ты денегъ захотѣло,
Но ежели моихъ—пустое тѣло!
Ищи кого иного ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня вперёдъ копейки не достанешь».

Басню эту лишнимъ я почелъ бы толковать:
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться?
Найдется тысяча несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ:

А мнѣ что говорить ни станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое!

CXXXVII.

МАЛЬЧИКЪ И ЗМѢЯ.

Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю и возрившись отъ страха,
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
«Послушай», говоритъ: «коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!»

CXXXVIII.

ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ мухи собрались летѣть въ чужіе краи
И стали подзывать съ собой туда пчелу:
Имъ насказали попугаи
О дальнихъ сторонахъ большую похвалу.
Притомъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ на родинѣ своей
Вездѣ гоняютъ изъ гостей;
И даже до чего (какъ людямъ то не стыдно,
И что они за чудаки!):
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки;
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи пауки.
«Путь добрый вамъ,» пчела на это отвѣчала:
«А мнѣ
И на моей пріятно сторонѣ.

От всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала:
    Отъ поселянъ и до вельможъ.
        Но вы летите,
        Куда хотите!
    Вездѣ вамъ будетъ счастье то жъ:
Не будете, друзья, нигдѣ, не бывъ полезны,
    Вы ни почтенны, ни любезны:
    А рады пауки лишь будутъ вамъ
            И тамъ».

—

Кто съ пользою отечеству трудится,
    Тотъ съ нимъ легко не разлучится:
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

CXXXIX.
ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
    Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
    (А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
    Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
    И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
    А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
    Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
— «Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдъ,
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
        Въ терпѣньѣ».

CXL.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
«По мнѣ, пускай, что хочешь, говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ не виноватъ!»
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью васъ даетъ возможность—
И ваша слава ужъ не та.
Ужели не глядѣть? ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякій шагъ
Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.

—

Анюточка, мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее: не нынѣ, такъ впередъ
Съ нея сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ ягненкомъ.
Поставь свою ты куклу въ уголокъ:
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять;
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,

Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ не расхватили.
По счастью, пастухи, узнавъ его, отбили:
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги:
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы ягненокъ былъ уменъ,
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на волка.

1823.

CXLI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу:
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло.
Судья—лиса; оно въ минуту закипѣло:
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика,
Какъ было дѣло, въ чемъ улика.
Крестьянинъ говоритъ:—«такого-то числа
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались:
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались:
А на дворѣ одна овца была».
Овца же говоритъ—она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства:
А сверхъ того, она совсѣмъ не ѣстъ мясного.
И приговоръ лисы вотъ отъ слова до слова:

«Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы,
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу».

CXLII.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши расцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»
—«Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ
И удивительною красотой

Цвѣты душистые богато убираетъ:
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ жалѣя коситъ:
А ты ни пышенъ, ни пахучъ;
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.
О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достигнетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли— благотворитъ равно
И радость по себѣ и счастье оставляетъ:
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

1824.

CXLIII.
КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала кошка соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.

Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки безъ ума.
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ, не будь, мой другъ, упрямъ,
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что-нибудь, тебѣ я волю дамъ
И отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
Межъ тѣмъ мой бѣдный соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
«Ну, что же?» продолжаетъ кошка:
«Пропой, дружокъ, хотя немножко».
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
«Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ?»
Съ насмѣшкою она спросила:
«Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ?
Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ.
Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!»
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

—

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

CXLIV.

ДВѢ СОБАКИ.

Дворовый, вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,

Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну, что, Жужутка, какъ живешь,
Съ тѣхъ поръ какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь помнишь: на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
— «На счастье грѣхъ роптать,» Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ:
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ:
Рѣзвлюся съ бариномъ: а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?» — «Я», отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ,
«Живу попрежнему: терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ:
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу».

—

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

CXLV.

РЫБЬИ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ области своей
Не только что лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:
Кого бъ надъ рыбами поставить въ воеводы?
И выбрана была лиса.
Вотъ лисанька на воеводство сѣла.
Лиса примѣтно потолстѣла.
У ней былъ мужичокъ—пріятель, сватъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ тѣмъ какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбу удитъ
И дѣлитъ съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.
Левъ какъ-то взялъ, по слухамъ, подозрѣнье,
Что у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пустился самъ свое осматривать владѣнье.
Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ
И съ кумушкой попировать сбирался;
Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ;
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался,
На мужика разинувъ зѣвъ.
«Кто ты, что дѣлаешь?» спросилъ сердито левъ.
—«Великій государь!» отвѣтствуетъ плутовка
(У лисаньки всегда въ запасѣ есть уловка):
«Великій государь!
Онъ у меня здѣсь главный секретарь:
За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;
А это караси, все жители воды;
Мы всѣ пришли сюды
Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ приходомъ».
—«Ну, какъ здѣсь идетъ судъ? Доволенъ ли вашъ край «

—«Великій государь, здѣсь не житье имъ—рай:
Лишь только бъ дни твои безцѣнные продлились!»
(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
—«Да отчего же», левъ спросилъ, «скажи ты мнѣ,
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?»
—«О мудрый левъ!» лиса отвѣтствуетъ: «онѣ
На радости, тебя увидя, пляшутъ».
Не могши болѣ тутъ левъ явной лжи стерпѣть,
Чтобъ не безъ музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

1825.

CXLVI.

МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду весной при легкомъ вѣтеркѣ
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха сидя
И, на цвѣткѣ пчелу увидя,
Спесиво говоритъ:—«Ужь какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла—
Летать по баламъ, по гостямъ;
И молвить не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины—
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ.
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вина.

И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной».
—«Все это знаю я,» отвѣтствуетъ пчела:
«Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила;
Что на пирахъ лишь морщатся отъ мухи;
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ».
—«Вотъ», муха говоритъ: «гоняютъ! что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое.»

CXLVII.

БОГАЧЪ И ПОЭТЪ.

Съ великимъ богачомъ поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ.
—«Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ!»
Кричитъ поэтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла—и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ тѣмъ когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ».
—«А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки?»

Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность—
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой роптал».

CXLVIII.

ПРИХОЖАНИНЪ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый ты у нихъ и геній и писатель:
Зато уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только чтобъ отъ нихъ похвалъ себѣ дождаться,
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.
Хоть, можетъ быть, я тѣмъ немного досажу,
Но, вмѣсто басни, быль на это имъ скажу.

—

Во храмѣ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣдникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла;
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣпью золотой,
Возъемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства,
Сей обличала міръ, исполненный тщетой.
Души пастырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
«Какой пріятный даръ!»
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому:

«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?»—«Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать?
Вѣдь я не здѣшняго прихода».

CXLIX.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы.
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ за старыя обиды льва въ отмщенье
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,

CXLIX. Левъ состарѣвшійся.

То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.
Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ.
Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,
Сбирается его лягнуть
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
«О боги!» возопилъ стеная левъ тогда:
«Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла,
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла».

CL.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты голова?»
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
—«Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила!
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода:
А нынѣ, въ старости, и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами...»
—«Но ты коснуться льва, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса осла перерываетъ.

—«Вотъ-на!» оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты,
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

CLI.

МЕЛЬНИКЪ.

У мельника вода плотину прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить:
А течь день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хвотиться!»
А мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя!» кричитъ: «хохлатки-дуры,
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать,
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать».
И въ нихъ полѣномъ хвать!

Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка ль, что домъ
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ?

CLII.

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно:
Но это было бы не правосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу:
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
«Всесильный левъ!» сказалъ насупившись медвѣдь:
«На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. Кому о нихъ жалѣть?»
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: «О царь! нашъ добрый царь!

Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ».
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло
И такъ удачно въ ходъ пошло, что, наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

CLIII.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

—

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,

И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назадъ къ своимъ: но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

—

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ прилплелась;
И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.

CLIV.

БУЛЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Потерянный алмазъ валялся на пути:
Случилось, наконецъ, купцу его найти.
Онъ отъ купца
Царю представленъ,
Имъ купленъ, въ золотѣ оправленъ
И украшеніемъ сталъ царскаго вѣнца.
Узнавъ про то, булыжникъ развозился.
Блестящею судьбой алмаза онъ прельстился,

И, видя мужика, его онъ проситъ такъ:
«Пожалуйста, землякъ,
Возьми меня въ столицу ты съ собою!
За что здѣсь подъ дождемъ и въ слякоти я ною?
А нашъ алмазъ въ чести, какъ говорятъ.
Не понимаю я, за что онъ въ знать попался;
Со мною сколько лѣтъ здѣсь рядомъ онъ валялся;
Такой же камень онъ и мнѣ набитый братъ.
Возьми жъ меня. Какъ знать? Коль я тамъ покажуся,
То также, можетъ быть, на дѣло пригожуся».
Взялъ камень мужичокъ на свой тяжелый возъ,
И въ городъ онъ его привезъ.
Ввалился камень мой и думаетъ, что разомъ
Засядетъ рядомъ онъ съ алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ точно въ дѣло взятъ, но взятъ для мостовой.

CLV.

ПЛОТИЧКА.

Хоть я и не пророкъ,
Но, видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ удается,
Что крылышки сожжетъ мой мотылекъ.
Вотъ, милый другъ, тебѣ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослаго хорошъ и для ребенка.
Ужли вся басня тутъ? ты спросишь; погоди:
Нѣтъ, это только побасенка,
А басня будетъ впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вотъ вижу новое въ глазахъ твоихъ сомнѣнье:
Сначала краткости, теперь ужъ ты
Боишься длинноты.
Что жъ дѣлать, милый другъ: возьми терпѣнье!
Я самъ того жъ боюсь.
Но какъ же быть? Теперь я старѣ становлюсь:

Погода къ осени дождливѣй,
А люди къ старости болтливѣй:
Но чтобы дѣла мнѣ не выпустить изъ глазъ,
То выслушай: слыхалъ я много разъ,
Что, легкіе проступки ставя въ малость,
Въ нихъ извинить себя хотятъ
И говорятъ:
За что винить тутъ? это шалость:
Но эта шалость намъ къ паденью первый шагъ:
Она становится привычкой, послѣ—страстью
И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской властью,
Намъ не даетъ опомниться никакъ.
Чтобы тебѣ живѣй представить,
Какъ на себя надѣянность вредна,
Позволь мнѣ басенкой себя ты позабавить:
Теперь изъ-подъ пера сама идетъ она
И можетъ съ пользою тебя наставить.

—

Не помню, у какой рѣки,
Злодѣи царства водяного,
Пріютъ имѣли рыбаки.
Въ водѣ, по близости у берега крутого,
Плотичка рѣзвая жила.
Проворна и при томъ лукава,
Не боязливаго была плотичка нрава:
Вкругъ удочекъ она вертѣлась, какъ юла,
И часто съ ней рыбакъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ, въ чаяньѣ награды,
Закинетъ уду, глазъ не сводитъ съ поплавка,
Вотъ, думаетъ, взяла: въ немъ сердце встрепенется:
Взмахнетъ онъ удой: глядь—крючокъ безъ червяка:
Плутовка, кажется, надъ рыбакомъ смѣется:
Сорветъ приманку, увернется,
И, хоть ты что, обманетъ рыбака.
«Послушай», говоритъ другая ей плотица:
«Не сдобровать тебѣ, сестрица!
Иль мало мѣста здѣсь въ водѣ,

Что ты всегда вкругъ удочекъ вертишься?
Боюсь я: скоро ты съ рѣкой у насъ простишься.
Чѣмъ ближе къ удочкамъ, тѣмъ ближе и къ бѣдѣ.
Сегодня удалось, а завтра—кто порука?»
Но глупымъ, что глухимъ—разумныя слова.
«Вотъ!» говоритъ моя плотва:
«Вѣдь я не близорука.
Хоть хитры рыбаки, но страхъ пустой ты брось:
Я вижу хитрость ихъ насквозь:
Вотъ видишь уду? вонъ закинута другая!
Ахъ, вотъ еще, еще! Смотри же, дорогая,
Какъ хитрецовъ я проведу!»
И къ удочкамъ стрѣлой пустилась;
Рванула съ той, съ другой, на третьей зацѣпилась,
И, ахъ, попалася въ бѣду!
Тутъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

CLVI.

ПАУКЪ И ПЧЕЛА.

По мнѣ, таланты тѣ негодны,
Въ которыхъ свѣту пользы нѣтъ,
Хоть иногда имъ и дивится свѣтъ.

—

Купецъ на ярмарку привезъ полотна;
Они такой товаръ, что надобно для всѣхъ.
Купцу на торгъ пожаловаться грѣхъ:
Покупщиковъ отбою нѣтъ; у лавки
Доходитъ иногда до давки.
Увидя, что товаръ такъ ходко идетъ съ рукъ,
Завистливый паукъ
На барыши купца прельстился;
Задумалъ на продажу ткать,
Купца затѣялъ подорвать,
И лавочку открыть въ окошкѣ самъ рѣшился.

Основу основалъ, проткалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой товаръ на диво,
Засѣлъ, надувшися спесиво,
Отъ лавки не отходитъ прочь
И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупщиковъ къ себѣ онъ переманитъ.
Вотъ день насталъ, но что жъ? Проказника метлой
Смели и съ лавочкой долой.
Паукъ мой бѣсится съ досады.
«Вотъ,» говоритъ, «жди праведной награды!
На весь я свѣтъ пошлюсь, чье тонѣе тканье:
Купцово иль мое?»
—«Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?»
Пчела отвѣтствуетъ: «извѣстно то давно:
Да что въ немъ проку, коль оно
Не одѣваетъ и не грѣетъ?»

CLVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Когда почтенъ быть хочешь у людей,
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей.

—

Мужикъ съ змѣею подружился.
Извѣстно, что змѣя умна:
Такъ вкралась къ мужику она,
Что ею только онъ и клялся и божился.
Съ тѣхъ поръ всѣ прежніе пріятели, родня—
Никто къ нему ногой не побываетъ.
«Помилуйте», мужикъ пеняетъ:
«За что вы всѣ покинули меня?
Иль угостить жена васъ не умѣла?
Или хлѣбъ-соль моя вамъ надоѣла?»
—«Нѣтъ», кумъ Матвѣй сказалъ ему въ отвѣтъ:
«Къ тебѣ бы рады мы, сосѣдъ:
И никогда ты насъ (объ этомъ слова нѣтъ)

Не огорчилъ ничѣмъ, не опечалилъ:
Но что за радость, разсуди,
Коль сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой другъ кого подползши не ужалилъ?»

CLVIII.

КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ котломъ большую дружбу свелъ;
Хотя и познатнѣй породою котелъ,
Но въ дружбѣ что за счетъ? Котелъ горой за свата;
Горшокъ съ котломъ за-панибрата;
Другъ безъ друга они не могутъ быть никакъ;
Съ утра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;
И у огня имъ порознь скучно;
И словомъ, вмѣстѣ всякій шагъ,
И съ очага и на очагъ.
Вотъ вздумалось котлу по свѣту прокатиться,
И друга онъ съ собой зоветъ.
Горшокъ нашъ отъ котла не отстаетъ
И вмѣстѣ на одну телѣгу съ нимъ садится.
Пустилися друзья по тряской мостовой,
Толкаются въ телѣгѣ межъ собой.
Гдѣ горки, рытвины, ухабы—
Котлу бездѣлица; горшки натурой слабы:
Отъ каждаго толчка горшку большой накладъ.
Однакожъ онъ не думаетъ назадъ,
И глиняный горшокъ тому лишь радъ,
Что онъ съ котломъ чугуннымъ такъ сдружился.
Какъ странствія ихъ были далеки,
Не знаю; но о томъ я точно извѣстился,
Что цѣлъ домой котелъ съ дороги воротился,
А отъ горшка одни остались черепки.

—

Читатель, басни сей мысль самая простая:
Что равенство въ любви и дружбѣ вещь святая.

CLIX.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей досыта, до отвала;
Наѣвшись выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ,»
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ,» говоритъ свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ:
Въ немъ проку мало вижу я:
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю:
Лишь были бъ желуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.»
— «Неблагодарная!» промолвилъ дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти желуди на мнѣ растутъ».

—

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

CLX.

ЗМѢЯ И ОВЦА.

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другого чувства нѣтъ,
Какъ злиться: создана ужъ такъ она природой.
Ягненокъ въ близости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.

Вотъ выползши она въ него вонзаетъ жало:
Въ глазахъ у бѣдняка туманно небо стало;
Вся кровь отъ яда въ немъ горитъ.
«Что сдѣлалъ я тебѣ?» змѣѣ онъ говоритъ.
— «Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ тѣмъ сюда забрался,
Чтобъ раздавить меня», шипитъ ему змѣя:
«Изъ осторожности тебя караю я.»
«Ахъ, нѣтъ!» онъ отвѣчалъ—и съ жизнью тутъ разстался.

—

Въ комъ сердце такъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всѣмъ питаетъ,—
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

CLXI.

ДИКІЯ КОЗЫ.

Пастухъ нашелъ зимой въ пещерѣ дикихъ козъ.
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезъ:
«Прекрасно», говоритъ: «ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое стадо;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ козочекъ къ себѣ я прикормлю
И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь пастуху стада, что барину помѣстье:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ,
И масла и сыры скопляетъ;
Подчасъ онъ тожъ и шкурки съ нихъ деретъ;
Лишь только кормъ онъ самъ имъ промышляетъ,
А корму на зиму у пастуха запасъ!»
Вотъ отъ своихъ овецъ къ гостямъ онъ кормъ таскаетъ,
Голубитъ ихъ, ласкаетъ,
Къ нимъ на день ходитъ по сту разъ,
Ихъ всячески старается привадить.
Убавилъ корму у своихъ,—
Теперь покамѣстъ не до нихъ,

И со своими жъ легче сладить:
Сѣнца имъ бросить по клочку,
А станутъ приступать, такъ дать имъ по толчку,
Чтобъ менѣе въ глаза совались.
Да только вотъ бѣда: когда пришла весна,
То козы дикія всѣ въ горы разбѣжались:
Не по утесамъ жизнь казалась имъ грустна:
Свое же стадо захирѣло,
И все почти переколѣло:
И мой пастухъ пошелъ съ сумой,
Хотя зимой
На барыши въ умѣ разсчитывалъ прекрасно.

—

Пастухъ! тебѣ теперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ дикихъ козъ терять свой кормъ напрасно,
Не лучше ли бы козъ домашнихъ поберечь?

CLXII.

ГОЛИКЪ.

Запачканный голикъ попалъ въ большую честь:
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ мести:
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно, слуги были пьяны).
Вотъ развозился мой голикъ:
По платью барскому безъ устали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ.
Что жъ пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

—

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется
И поправлять труды ученаго возмется.

CLXIII.

СОЛОВЬИ.

Какой-то птицеловъ
Весною наловилъ по рощамъ соловьевъ.
Пѣвцы разсажены по клѣткамъ и запѣли,
Хоть лучше бъ по лѣсамъ гулять они хотѣли:
Когда сидишь въ тюрьмѣ, до пѣсенъ ли ужъ тутъ?
Но дѣлать нечего: поютъ,
Кто съ горя, кто отъ скуки.
Изъ нихъ одинъ бѣдняжка соловей
Терпѣлъ всѣхъ болѣ муки:
Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей;
Ему тошнѣе всѣхъ въ неволѣ.
Сквозь слезъ изъ клѣтки онъ посматриваетъ въ поле,
Тоскуетъ день и ночь,
Однакожъ думаетъ: «злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства,
Какъ дѣломъ горю пособить;
И, кажется, бѣду могу я съ шеи сбыть:
Вѣдь насъ не съ тѣмъ поймали, чтобы скушать:
Хозяинъ, вижу я, охотникъ пѣсни слушать;
Такъ если голосомъ ему я угожу,
Быть можетъ, тѣмъ себѣ награду заслужу,
И онъ мою неволю окончаетъ».
Такъ разсуждалъ и началъ мой пѣвецъ:
И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ,
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ только отягчилъ свою тѣмъ злую долю.
Кто худо пѣлъ, для тѣхъ давно
Хозяинъ отворилъ и клѣтки и окно
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка соловей
Чѣмъ пѣлъ пріятнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ стерегли его плотнѣй.

CLXIV.

СКУПОЙ.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ
    Отъ демонскаго воеводы
Летѣть за тридевять земель на многи годы:
А служба такова: хоть радъ, или не радъ,
    Исполнить должно повелѣнье.
    Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
    Какъ безъ себя сокровище сберечь?
        Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя—
    Расходы надобно большіе:
Оставить такъ его—такъ можетъ кладъ пропасть:
    Нельзя ручаться ни за сутки:
    И вырыть могутъ и украсть:
        На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ и вздумалъ наконецъ.
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ, взявъ сокровище, является къ скупому
    И говоритъ: «Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
    А я всегда доволенъ былъ тобой;
    Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
        Пей, ѣшь и веселись,
        И трать ихъ безъ боязни!
    Когда же придетъ смерть твоя,
    То твой одинъ наслѣдникъ я.
        Вотъ все мое условье:
А впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»
Сказалъ—и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
    Исправя службу, домовой
        Летитъ домой

Въ отечески предѣлы.
Что жъ видитъ? О восторгъ! Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ—
И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ
И былъ сердечно радъ,
Что сторожъ для него ни денежки не стоилъ.

—

Когда у золота скупой не ѣстъ, не пьетъ—
Не домовому ль онъ червонцы бережетъ?

CLXV.

ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ стада сѣрый волкъ
Въ лѣсъ овцу затащилъ, въ укромный уголокъ,
Ужъ разумѣется, не въ гости:
Овечку бѣдную обжора ободралъ
И такъ ее онъ убиралъ,
Что на зубахъ хрустѣли кости.
Но какъ ни жаденъ былъ, а съѣсть всего не могъ,
Оставилъ къ ужину запасъ и подлѣ легъ
Понѣжиться, вздохнуть отъ жирнаго обѣда.
Вотъ близкаго его сосѣда—
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.
Межъ мховъ и кочекъ онъ тихохонько подкрался,
Схватилъ кусокъ мясца и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ дупло.
Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричитъ онъ: «Караулъ! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имѣнье!»

—

Такое жъ въ городѣ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ стянулъ,
И онъ кричитъ на вора: «караулъ!»

CLXVI.

ДВА МУЖИКА.

—«Здорово, кумъ Ѳаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
—«Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
—«Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
—«Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
—«Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка:
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ.
Признаться, въ головѣ шумѣло:
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ:
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?»—«Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ:
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я тожъ о Рождествѣ пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару:
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ.
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
—«Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже ль и въ потьмахъ».

CLXVII.

КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-то домѣ былъ скворецъ,
Плохой пѣвецъ;
Зато ужъ философъ презнатный,
И свелъ съ котенкомъ дружбу онъ.
Котенокъ былъ ужъ котикъ преизрядный,
Но тихъ, и вѣжливъ, и смиренъ.
Вотъ какъ-то былъ въ столѣ котенокъ обдѣленъ.
Бѣдняжку голодъ мучитъ;
Задумчивъ бродитъ онъ, скучаючи постомъ,
Поводитъ ласково хвостомъ
И жалобно мяучитъ.
А философъ котенка учитъ
И говоритъ ему: «мой другъ, ты очень простъ,
Что терпишь добровольно постъ;
А въ клѣткѣ подъ носомъ твоимъ виситъ щегленокъ;
Я вижу, ты прямой котенокъ».
—«Но совѣсть...»—«Какъ ты мало знаешь свѣтъ!
Повѣрь, что это сущій бредъ
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ—пустыя только шутки!
На свѣтѣ кто силенъ,
Тотъ дѣлать все воленъ.
Вотъ доказательства тебѣ и вотъ примѣры».
Тутъ, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Котенку натощакъ понравилась она:
Онъ вытащилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ такой котенка,
Хотя имъ голода онъ утолить не могъ.
Однакоже второй урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ
И говоритъ скворцу: «спасибо, милый кумъ!
Наставилъ ты меня на умъ».
И, клѣтку разломавъ, учителя онъ скушалъ.

1829.

CLXVIII.

БРИТВЫ.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру чуть лишь я глаза продралъ—
И что же узнаю? Пріятель мой въ тревогѣ.
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю—пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый?... Я надѣюсь,
Не боленъ ты».—«Охъ! ничего: я бреюсь».
—«Какъ! только?» Тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши, наконецъ, вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы—косари:
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь».
—«Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы:
Да острыми-то я порѣзаться боюсь».
—«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обреешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею».

—

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

CLXIX.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

«Ну, стоитъ ли богатымъ быть,
Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умремъ—вѣдь все оставимъ.
Мы только лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣтъ, если бъ мнѣ далось богатство на удѣлъ,
Не только бы рубля, я бъ тысячъ не жалѣлъ,
Чтобъ жить роскошно, пышно,
И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;
Я даже дѣлалъ бы добро другимъ;
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа».
Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
Въ лачужкѣ низменной, на голой лавкѣ лежа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,
Кто говоритъ—колдунъ, кто говоритъ, что бѣсъ;
Послѣднее едва ли не вѣрнѣе:
Изъ дѣла будетъ то виднѣе.
Предсталъ—и началъ такъ: «Ты хочешь быть богатъ,
Я слышалъ для чего: служить я другу радъ.
Вотъ кошелекъ тебѣ: червонецъ въ немъ, не болѣ;
Но вынешь лишь одинъ, ужъ тамъ готовъ другой.
Итакъ, пріятель мой,
Разбогатѣть теперь въ твоей лишь волѣ.
Возьми жъ, и изъ него безъ счету вынимай,
Доколѣ будешь ты доволенъ;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не воленъ,
Пока въ рѣку не бросишь кошелька».
Сказалъ—и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.
Бѣднякъ отъ радости едва не помѣшался,
Но лишь опомнился, за кошелекъ принялся.
И что жъ?—Чуть вѣрится ему, что то не сонъ:
Едва червонецъ вынетъ онъ,

Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелится.
Бѣднякъ мой говоритъ:
«Червонцевъ я себѣ повытаскаю груду:
Такъ завтра же богатъ я буду,
И заживу, какъ сибаритъ».
Однакожъ поутру онъ думаетъ другое.
«То правда,» говоритъ: «теперь я сталъ богатъ:
Да кто жъ добру не радъ!
И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?
Неужто лѣнь
Надъ кошелькомъ еще провесть хоть день?
Вотъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;
Но если накупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай къ тому утрачу?
Такъ удержу чудесный кошелекъ:
Ужъ такъ и быть, еще я поговѣю
Одинъ денекъ:
А, впрочемъ, вѣдь пожить всегда успѣю».
Но что жъ? проходитъ день, недѣля, мѣсяцъ, годъ—
Бѣднякъ мой потерялъ давно въ червонцахъ счетъ:
Межъ тѣмъ онъ скудно ѣстъ и скудно пьетъ;
Но чуть лишь день, а онъ опять за ту жъ работу.
День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь не достаетъ.
Лишь кошелекъ нести сберется,
То сердце у него сожмется:
Придетъ къ рѣкѣ—воротится опять.
«Какъ можно,» говоритъ, «отъ кошелька отстать,
Когда мнѣ золото рѣкою само льется?»
И, наконецъ, бѣднякъ мой посѣдѣлъ,
Бѣднякъ мой похудѣлъ,
Какъ золото его, бѣднякъ мой пожелтѣлъ;
Ужъ и о пышности онъ болѣ не смекаетъ:
Онъ сталъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой—
Утратилъ все; но все дрожащею рукой
Изъ кошелька червонцы вонъ таскаетъ.
Таскалъ, таскалъ... и чѣмъ же кончилъ онъ?

На лавкѣ, гдѣ своимъ богатствомъ любовался,
На той же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый милліонъ.

CLXX.
ПУШКИ И ПАРУСА.

На кораблѣ у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану
И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Лети же, помоги, могучій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался: летитъ, дохнулъ—и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,

Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ.
Корабль мой недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ.
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна.
А паруса—гражданскія въ ней власти.

1830.

CLXXI.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, лошадь молодая
Такъ про себя ворчала разсуждая:
«За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой попустому?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать:
Все было бъ болѣе похоже то на стать.
Хоть спряталъ бы его: я видѣла бъ въ томъ скупость:
А попусту бросать! Нѣтъ, это просто глупость».
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ крестьянинъ имъ того жъ коня кормилъ.

—

Читатель! вѣрно, нѣтъ сомнѣнья,
Что не одобришь ты конева разсужденья:
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,
Не такъ ли дерзко человѣкъ

О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей
Не вѣдая Его ни цѣли, ни путей?

CLXXII.

БѢЛКА.

У льва служила бѣлка,
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло только въ томъ,
Что служба бѣлкина угодна передъ львомъ;
А угодить на льва, конечно, не бездѣлка.
За то обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ:
Обѣщанъ—между тѣмъ все время улетаетъ;
А бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ
И скалитъ передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ:
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ
Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.
Но наша бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ—нельзя никакъ:
На службу льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ бѣлка, наконецъ, ужъ стала и стара
И льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку бѣлкѣ дали,
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на отборъ: орѣхъ къ орѣху—чудо!
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ.

CLXXIII.

ЩУКА.

На щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало:
Уликъ представленъ цѣлый возъ,

И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли:
Однакожъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя да два иль три козла:
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора
Имъ придана была лиса за прокурора.
И слухъ между народа шелъ,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ.
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни:
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ:
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
«Почтенные судьи!» лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало: я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ».—«Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

CLXXIV.

КУКУШКА И ОРЕЛЪ.

Орелъ пожаловалъ кукушку въ соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ.
Усѣвшись важно на осинѣ.
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась:
Глядитъ: всѣ прочь летятъ;
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя кукушка огорчилась,

И съ жалобой на птицъ къ орлу спѣшитъ она.
«Помилуй!» говоритъ: «по твоему велѣнью,
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
—«Мой другъ!» орелъ въ отвѣтъ: «я царь, но я не Богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ».

CLXXV.

ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСА.

По дебрямъ гнался левъ за серной;
Уже ее онъ настигалъ
И взоромъ алчнымъ пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ;
Но серна легкая всѣ силы натянула,
Подобно изъ лука стрѣлѣ,
Надъ пропастью она махнула
И стала супротивъ на каменной скалѣ.
Мой левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился;
Другъ этотъ былъ—лиса.
«Какъ!» говоритъ она: «съ твоимъ проворствомъ, силой
Ужели ты уступишь сернѣ хилой!
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости и легкости твоей».
Тутъ кровь во львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;

Однакожъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ слетѣлъ—и до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихохоньку въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ на просторѣ и на волѣ
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

CLXXVI.

СОКОЛЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,
Червякъ на ней качался.
Надъ червякомъ соколъ, по воздуху носясь,
Такъ съ высоты шутилъ и издѣвался:
«Какихъ ты, бѣдненькій, трудовъ не перенесъ!
Что жъ прибыли, что ты высоко такъ заползъ?
Какая у тебя и воля и свобода?
И съ вѣткой гнешься ты, куда велитъ погода».
—«Тебѣ шутить легко,»
Червякъ отвѣтствуетъ, «летая высоко,
Затѣмъ что крыльями и силенъ ты и крѣпокъ;
Но мнѣ судьба дала достоинства не тѣ:
Я здѣсь на высотѣ
Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ.»

CLXXVII.

БУЛАТЪ.

Булатной сабли острый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ,
Съ нимъ вмѣстѣ вынесенъ на рынокъ
И мужику задаромъ проданъ тамъ.

У мужика затѣи не велики:
Онъ отыскалъ тотчасъ въ булатѣ прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черенокъ
И сталъ булатомъ драть въ лѣсу на лапти лыки,
А дома запросто лучину имъ щепать;
То вѣтви у плетня, то сучья обрубать,
Или обтесывать тычины къ огороду.
Ну такъ, что не прошло и году,
Какъ мой булатъ въ зубцахъ и въ ржавчинѣ кругомъ,
И дѣти ѣздятъ ужъ на немъ
Верхомъ.
Вотъ ежъ, въ избѣ подъ лавкой лежа,
Куда и клинокъ брошенъ былъ,
Однажды такъ булату говорилъ:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про булатъ
Такъ много громкаго не ложно говорятъ,
Не стыдно ли тебѣ щепать лучину,
Или обтесывать тычину,
И, наконецъ, игрушкой быть ребятъ?»
—«Въ рукахъ бы воина врагамъ я былъ ужасенъ,»
Булатъ отвѣтствуетъ: «а здѣсь мой даръ напрасенъ;
Такъ, низкимъ лишь трудомъ я занятъ здѣсь въ дому:
Но развѣ я свободенъ?
Нѣтъ, стыдно-то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто не умѣлъ понять, къ чему я годенъ».

CLXXVIII.

КУПЕЦЪ.

«Поди-ка, братъ, Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй,
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ».
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ.
«Ты знаешь польскаго сукна конецъ,

Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ, и подмоченъ, и гнилъ?
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ олушка послалъ».
—«Все это, дядя, такъ», племянникъ отвѣчалъ:
«Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ:
Вглядись-ка: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку».

—

Обмануть! Обманулъ купецъ! Въ томъ дива нѣтъ:
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ—
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ:
Почти у всѣхъ во всемъ одинъ расчетъ,
Кого кто лучше проведетъ,
И кто кого хитрѣй обманетъ.

CLXXIX.

МИРОНЪ.

Жилъ въ городѣ богачъ, по имени Миронъ.
Я имя вставилъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ стихъ наполнить:
Нѣтъ, этакихъ людей не худо имя помнить.
На богача кричатъ со всѣхъ сторонъ
Сосѣди—а едва ль сосѣди и неправы,—
Что будто у него въ шкатулкѣ милліонъ,
А бѣднымъ никогда не дастъ копейки онъ.
Кому не хочется нажить хорошей славы?
Чтобъ толкамъ о себѣ другой дать оборотъ,
Миронъ мой распустилъ въ народъ,
Что нищихъ впредь кормить онъ будетъ по субботамъ.
И подлинно, кто ни придетъ къ воротамъ—
Они не заперты никакъ.
«Ахти!» подумаютъ: «бѣдняжка разорился!»
Не бойтесь, скряга умудрился:
Въ субботу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ,
И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться—

Дай Богъ здоровому съ двора убраться.
Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: «нельзя Мирону надивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,
И трудно до него добиться;
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться».

—

Видать случалось часто мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты,
Да только все собаки виноваты—
Мироны жъ сами въ сторонѣ.

CLXXX.
КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Лиса крестьянину однажды говорила:
«Скажи, кумъ милый мой,
Чѣмъ лошадь отъ тебя такъ дружбу заслужила,
Что, вижу я, она всегда съ тобой?
Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;
Въ дорогу ль—съ нею ты, и часто съ нею въ полѣ;
А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей
Едва ль она не всѣхъ глупѣй».
—«Эхъ, кумушка, не въ разумѣ тутъ сила!
Крестьянинъ отвѣчалъ: «Все это суета.
Цѣль у меня совсѣмъ не та:
Мнѣ нужно, чтобъ она меня возила,
Да чтобы слушалась кнута».

CLXXXI.
ОСЕЛЪ.

Былъ у крестьянина оселъ
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было нахвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ,
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.

Надулся мой оселъ, сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ).
И думаетъ, теперь большой онъ баринъ сталъ.
Но вышелъ новый чинъ ослу, бѣдняжкѣ, сокомъ
(То можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ).
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ ослѣ не много чести было:
Но до звонка ему все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ, иль въ огородъ—
Наѣстся досыта и выйдетъ тихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ.
Глядятъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ,
И кости у осла остались лишь да кожа.

—

И у людей въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

CLXXXII.

ФИЛИНЪ И ОСЕЛЪ.

Слѣпой оселъ въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальній путь было пустился):
Но къ ночи въ чащу такъ забрелъ мой сумасбродъ,
Что двинуться не могъ ни взадъ онъ, ни впередъ:
И зрячему бы тутъ не выйти изъ хлопотъ;
Но филинъ въ близости, по счастію, случился

И взялся быть ослу проводникомъ.
Всѣ знаютъ, филины какъ ночью зорки:
Стремнины, рвы, бугры, пригорки—
Все это различалъ мой филинъ, будто днемъ,
И къ утру выбрался на ровный путь съ осломъ.
Ну, какъ съ проводникомъ такимъ разстаться?
Вотъ проситъ филина оселъ, чтобъ съ нимъ остаться,
И вздумалъ изойти онъ съ филиномъ весь свѣтъ.
Мой филинъ господиномъ
Усѣлся на хребтѣ ослиномъ,
И стали путь держать; счастливо ль только?—Нѣтъ:
Лишь солнце на небѣ поутру заиграло,
У филина въ глазахъ темнѣе ночи стало.
Однакожъ филинъ мой упрямъ:
Ослу совѣтуетъ и вкось и впрямь.
«Остерегись!» кричитъ: «направо будемъ въ лужѣ».
Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.
«Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!»
И—бухъ оселъ и съ филиномъ въ оврагъ.

CLXXXIII.

СОБАКА И ЛОШАДЬ.

У одного крестьянина служа,
Собака съ лошадью считаться какъ-то стали.
«Вотъ,» говоритъ Барбосъ: «большая госпожа!
По мнѣ, хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу».
—«Конечно,» лошадь отвѣчала:
«Твоя правдива рѣчь;
Однакоже когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь».

CLXXXIV.

ЛЕВЪ.

Когда ужъ левъ сталъ хилъ и старъ,
То жесткая ему постеля надоѣла:
Въ ней больно и костямъ, она жъ его не грѣла.
И вотъ сзываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и косматыхъ,
И говоритъ: «Друзья! для старика
Постель моя ужъ черезчуръ жестка:
Такъ какъ бы, не тягча ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Мнѣ шерсти пособрать,
Чтобъ не на голыхъ камняхъ спать».
«Свѣтлѣйшій левъ,» отвѣтствуютъ вельможи:
«Кто станетъ для тебя жалѣть своей
Не только шерсти — кожи?
И мало ли у насъ мохнатыхъ здѣсь звѣрей?
Олени, серны, козы, лани —
Они почти не платятъ дани:
Набрать съ нихъ шерсти поскорѣй:
Отъ этого ихъ не убудетъ;
Напротивъ, имъ же легче будетъ».
И тотчасъ выполненъ совѣтъ премудрый сей.
Левъ не нахвалится усердіемъ друзей:
Но въ чемъ же то они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣднявжекъ захватили
И дочиста обрили:
А сами, вдвое хоть богаче шерстью были,
Не поступилися своимъ ни волоскомъ:
Напротивъ, всякъ изъ нихъ, кто близко тутъ случился,
Изъ той же лани поживился
И на зиму себѣ запасся тюфякомъ.

CLXXXV.

ЗМѢЯ.

Змѣя Юпитера просила,
Чтобъ голосъ дать ей соловья.
«А то ужъ,» говоритъ: «мнѣ жизнь моя постыла.
Куда ни покажуся я,
То всѣ меня дичатся,
Кто послабѣй;
А кто сильнѣй,
Дай Богъ отъ тѣхъ живой убраться.
Нѣтъ, жизни этакой я болѣ не снесу;
А если бъ соловьемъ запѣла я въ лѣсу,
То, возбудя бы удивленье,
Снискала бы любовь и, можетъ быть, почтенье,
И стала бы душой веселыхъ я бесѣдъ».
Исполнилъ Юпитеръ змѣи прошенье:
Шипѣнья гнуснаго пропалъ у ней и слѣдъ.
На дерево всползя, змѣя на немъ засѣла;
Прекраснымъ соловьемъ змѣя моя запѣла,
И стая было птицъ отвсюду къ ней подсѣла;
Но, возряся въ пѣвца, всѣ съ дерева дождемъ.
Кому понравится такой пріемъ?
«Ужли вамъ голосъ мой противенъ?»
Въ досадѣ говоритъ змѣя.
—«Нѣтъ,» отвѣчалъ скворецъ: «онъ звученъ, дивенъ;
Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,
Когда увидѣли твое мы жало:
Намъ страшно вмѣстѣ быть съ тобой.
Итакъ, скажу тебѣ не для досады,
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,
Да только ты отъ насъ подалѣ пой».

CLXXXVI.

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая:
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной».—«Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ,» котъ Васька говоритъ.
—«То такъ, да у него я ободралъ барана».
—«Ну, попытайся у Демьяна».
—«Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
—«Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
—«Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
—«Ну, плохо жъ!—Но авось тебя укроетъ Климъ!»
—«Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
—«Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!»
Сказалъ тутъ Васька волку:
«Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни».

CLXXXVII.

ЛЕЩИ.

Въ саду у барина въ прудѣ,
Въ прекрасной ключевой водѣ
Лещи водились.
Станицами они у берега рѣзвились,
И золотые дни, казалось, имъ катились.
Какъ вдругъ
Къ нимъ баринъ напустить велѣлъ съ полсотни щукъ.
«Помилуй!» говоритъ его, то слыша, другъ:
«Помилуй, что ты затѣваешь?
Какого ждать отъ щукъ добра?
Вѣдь не останется лещей здѣсь ни пера.
Иль жадности ты щукъ не знаешь?»
—«Не трать своихъ рѣчей,»
Бояринъ отвѣчалъ съ улыбкою: «все знаю;
Да только вѣдать я желаю,
Съ чего ты взялъ, что я охотникъ до лещей?»

CLXXXVIII.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли,
Поработали, погуляли
И путь теперь домой на родину держали;
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ?
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:

Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята,» говоритъ: «вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему».

CLXXXVIII. Три мужика.

— «Какой наборъ?» — «Да такъ! Есть слухъ — война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и подчасъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,

Да войска разводили,
Онъ ни гугу, и щи и кашу—все пріѣлъ.

—

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

1833.

CLXXXIX.

ПАСТУХЪ.

У Саввы пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ)
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ;
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковина!» твердитъ народъ:
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ за грѣхи
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва.

CXC.

БѢЛКА.

Въ деревнѣ въ праздникъ подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ
Народъ толпился:
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали,
И раздувался пышный хвостъ.
—«Землячка старая,» спросилъ тутъ дроздъ: «нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»
—«Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого:
Ну, некогда ни пить, ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть».
И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
—«Да,» улетая дроздъ сказалъ: «то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а все на томъ же ты окнѣ».

—

Посмотришь на дѣльца иного:
Хлопочетъ, мечется—ему дивятся всѣ:
Онъ, кажется, изъ кожи рвется,
Да только все впередъ не подается,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

CXCI.

МЫШИ.

«Сестрица, знаешь ли, бѣда!»
На кораблѣ мышь мыши говорила:
«Вѣдь оказалась течь: внизу у насъ вода
Чуть не хватила
До самаго мнѣ рыла»
(А правда, такъ она лишь лапки замочила):

«И что диковинки? Нашъ капитанъ
Или съ похмелья, или пьянъ.
Матросы всѣ—одинъ лѣнивѣе другого;
Ну, словомъ, нѣтъ порядку никакого.
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что ко дну нашъ корабль идетъ:
Куда!—Никто и ухомъ не ведетъ,
Какъ будто бъ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно—только въ трюмъ лишь стоитъ заглянуть—
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица, неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!
Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;
Авось не далеко земля!»
Тутъ въ океанъ мои затѣйницы спрыгнули—
И утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани и цѣлъ и невредимъ.

—

Теперь пойдутъ вопросы:
А что же капитанъ и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А остальное—клевета.

CXCII.

ЛИСА.

Зимой ранехонько близъ жила
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей

Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ:
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда, сюда метаться:
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ. «Другъ милый! кумъ! отецъ!»
Кричитъ лиса: «спаси! пришелъ совсѣмъ конецъ!»
Вотъ кумъ остановился
И въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,
Остался бъ хвостъ у ней.

CXCIII.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

Овечкамъ отъ волковъ совсѣмъ житья не стало,
И дотого, что, наконецъ,
Правительство звѣрей благія мѣры взяло
Вступиться въ спасенье овецъ,
И учрежденъ совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были волки,
Но не о всѣхъ волкахъ вѣдь злые толки:

Видали и такихъ волковъ, и многократъ—
Примѣры эти не забыты—
Которые ходили близко стадъ
Смирнехонько, когда бывали сыты;
Такъ почему жъ волкамъ въ совѣтѣ и не быть?
Хоть надобно овецъ оборонить,
Но и волковъ не вовсе жъ притѣснить.
Вотъ засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли,
Судили, думали, рядили—
И, наконецъ, придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова и до слова онъ:
«Какъ скоро волкъ у стада забуянитъ,
И обижать онъ овцу станетъ,
То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль боръ».
Въ законѣ нечего прибавить, ни убавить;
Да только я видалъ до этихъ поръ—
Хоть говорятъ волкамъ и не спускаютъ—
Что будь овца отвѣтчикъ иль истецъ,
А только волки всетаки овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

CXCIV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СОБАКА.

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточнаго дома,
Собака нанялась и дворъ стеречь,
И хлѣбы печь,
И, сверхъ того, полоть и поливать разсаду.
«Какой же выдумалъ онъ вздоръ,»
Читатель говоритъ: «тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы стеречи ужъ дворъ;

Да видано ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали
Или разсаду поливали?
Читатель! я бы былъ неправъ кругомъ,
Когда сказалъ бы: да: но дѣло здѣсь не въ томъ,
А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся
И вымолвилъ себѣ онъ плату за троихъ:
Барбосу хорошо: что нужды до другихъ?
Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался.
Поѣхалъ, погулялъ: пріѣхалъ и назадъ,
Посмотритъ—жизни сталъ не радъ:
И рветъ и мечетъ онъ съ досады:
Ни хлѣба дома, ни разсады,
А сверхъ того, къ нему на дворъ
Залѣзъ и клѣть его обкралъ начисто воръ.
Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье:
Онъ за разсадою печь хлѣбъ никакъ не могъ:
Разсадникъ оттого лишь только не удался,
Что сторожа вокругъ двора, онъ сталъ безъ ногъ:
А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь тогда сбирался.

1834.

CXCV.

РАЗБОЙНИКЪ И ИЗВОЗЧИКЪ.

Въ кустарникѣ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ-вечеръ добычи поджидалъ,
И, какъ медвѣдь голодный изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ—грузный возъ катитъ, какъ валъ.
«Ого!» разбойникъ мой тутъ шепчетъ: «знать, съ товаромъ
На ярмарку: чай, все сукно, камки, парчи.
Кручина, не зѣвай! тутъ будетъ на харчи:

Не пропадетъ сегодня день мой даромъ.»
Межъ тѣмъ подъѣхалъ возъ. Кричитъ разбойникъ:
«Стой!»
И на извозчика бросается съ дубиной:
Да лихъ, схватился онъ не съ олухомъ-дѣтиной.
Извозчикъ, малый удалой,
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталъ за добро свое горой,
И моему герою
Пришлося брать поживу съ бою.
И дологъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешиблена рука, да выбитъ глазъ;
Но побѣдителемъ однакожъ онъ остался:
Убилъ извозчика злодѣй.
Убилъ—и къ добычѣ скорѣй.
Что жъ онъ завоевалъ?—Возъ цѣлый пузырей!

—

Какъ много изъ пустого
На свѣтѣ дѣлаютъ преступнаго и злого.

CXCVI.

ЛЕВЪ И МЫШЬ.

У льва просила мышь смиренно позволенья
По близости его въ дуплѣ завесть селенье
И такъ промолвила: «Хотя де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ и славенъ;
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ:
Но будущее кто угадывать возьмется?
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется!
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подчасъ тебѣ и пригожусь».
—«Ты!» вскрикнулъ левъ:—«ты жалкое созданье!
За эти дерзкія слова

Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь отсель, пока жива—
Иль твоего не будетъ праху».
Тутъ мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ—простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ:
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался
И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.
Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Что бы помочь она ему сумѣла,
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.

—

Читатель, истину любя,
Прибавлю къ баснѣ я, и то не отъ себя:
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь—пригодится
Воды напиться.

1835.

CXCVII.

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то въ древности вельможа
Съ богато убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ:
Сказать простѣе—умеръ онъ:
Итакъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
—«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ:
Но такъ какъ живучи я былъ здоровьемъ слабъ,

То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
—«Что жъ дѣлалъ ты?»—«Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ».
—«Скорѣй же въ рай его!» — «Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
—«Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
Что если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

—

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

1836.

CXCVIII.

ДВА МАЛЬЧИКА.

«Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ».
—«Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ.
Ты знаешь вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!»
«И, милый, да на что жъ догадка!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,

А тамъ мы сами умудримся
И досыта каштановъ наѣдимся».
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался
И Өедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Өедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—
Не перечесть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.
Что жъ? Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь губки:
Өедюшка самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

—

Видалъ Өедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали!

CXCIX.

КУКУШКА И ПѢТУХЪ.

«Какъ, милый пѣтушокъ, поешь ты громко, важно!»
—«А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»
—«Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова».
—«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!...
Да вы ужъ родомъ такъ: собою не велички,
А пѣсни, что твой соловей!»

«Спасибо, кумъ; зато, по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички.
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я».
Тутъ воробей случась промолвилъ имъ: «друзья,
Хоть вы охрипните, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха!...»

—

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

CC.

ПИРЪ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ—дѣло доброе и не въ голодны годы.
Вотъ приплелись туда жъ сурокъ, лиса и кротъ,
Да только часомъ опоздали
И за столомъ гостей застали.
У кумушки-лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохолился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.
Однакожъ натощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ продраться трое.
«Послушайте, друзья!» сказалъ имъ барсъ:
«То мѣсто широко, да только не про васъ.
Тутъ придетъ слонъ и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.

Итакъ.
Когда не хочется домой вамъ натощакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу:
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя:
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди.

CCI.
ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ.

Медвѣдь обѣдъ давалъ
И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей—сосѣдей.
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки ль были то, рожденье, именины.
Но только праздникъ тотъ принесъ медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вина!
Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны:
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: «ай Мишка, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!»
Но волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «ты врешь. кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется».
—«Вздоръ самъ ты мелешь кумъ,» лиса на то въ отвѣтъ:
«Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ?
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ!»

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ БАСНЯМЪ.

---

1. **Дубъ и трость** — переводъ басни *Лафонтена:* „Le chêne et le roseau“.

2. **Разборчивая невѣста**—переводъ басни *Лафонтена:* „La fille“.

3. **Старикъ и трое молодыхъ** — переводъ басни *Лафонтена:* „Le vieillard et les trois jeunes hommes“.

4. **Ворона и лисица**—заимствована у *Лафонтена:* „Le corbeau et le renard“.

5. **Лягушка и волъ**—переводъ басни *Лафонтена:* „La grenouille, qui veut se faire aussi grosse que le boeuf“.

6. **Ларчикъ.** По времени появленія въ печати, это — первая *оригинальная* басня Крылова.

Выраженіе: „*А ларчикъ просто открывался*“ сдѣлалось ходячимъ.

7. **Левъ на ловлѣ** — заимствована изъ басни *Лафонтена:* „La génisse, la chèvre et la brebis, en société avec le lion“.

8. **Обезьяны.** „Въ этой баснѣ“, говоритъ Кеневичъ, „Крыловъ возвратился къ темѣ, которая въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности давала обильную пищу его сатирѣ. Пристрастіе къ иностранцамъ и слѣпое подражаніе имъ онъ осмѣялъ и въ своихъ прозаическихъ статьяхъ (см. „Почта Духовъ“) и въ комедіяхъ. Нѣтъ возможности положительно сказать, что именно подало ему поводъ возвратиться къ этому предмету; всего вѣроятнѣе, что онъ осмѣиваетъ здѣсь страсть къ французскимъ модамъ и пристрастіе къ французамъ, усилившееся послѣ Тильзитскаго мира. Къ этому же времени относится и перемѣна формы военныхъ по французскому образцу“.

9. **Музыканты** — *оригинальная* басня.

10. Парнасъ — *оригинальная* басня, въ которой Крыловъ, по мнѣнію Я. К. Грота, разумѣлъ Россійскую Академію. Поводъ къ насмѣшкѣ былъ слѣдующій: нѣкоторые академики, и въ особенности графъ Хвостовъ, неблагосклонно смотрѣли на басни Крылова, а Хвостовъ отнесся къ нимъ даже враждебно. Въ отплату этимъ цѣнителямъ Крыловъ естественно могъ написать басню о Парнасѣ. По мнѣнію В. Кеневича, появленіе этой басни вызвано было однимъ изъ замѣчательныхъ событій первой половины царствованія Александра I, именно перемѣною министерства, которое, подъ прозваніемъ англійскаго, цѣлыя пять лѣтъ управляло Россіей. Изъ прежнихъ министровъ и любимцевъ Александра, дѣлившихъ его труды въ первую эпоху преобразованій, къ 1807 г. никого не осталось. Удаленіе ихъ Богдановичъ приписываетъ нравственному перевороту, происшедшему въ Александрѣ I послѣ Тильзитскаго свиданія.

11. Пустынникъ и медвѣдь. Сюжетъ заимствованъ *у Лафонтена:* „L'ours et l'amateur des jardins".

12. Оракулъ. Основная мысль басни высказана уже въ „Почтѣ Духовъ" и въ статьѣ: „Ночи".

13. Волкъ и ягненокъ — заимствована у *Лафонтена*: „Le loup et l'agneau".

14. Стрекоза и муравей—переводъ *Лафонтеновой* басни: „La cigale et la fourmi". Вторая половина басни Крылова, начиная со стиха: „Не оставь меня, кумъ милый!" почти ничего не имѣетъ общаго съ французскою, кромѣ заключенія (два послѣдніе стиха).

15. Орелъ и куры — по содержанію и цѣли сходна съ баснею *Дмитріева:* „Орелъ и каплунъ".

16. Муха и дорожные — переработка басни *Лафонтена:* „Le coche et la mouche".

17. Слонъ на воеводствѣ — *оригинальная* басня.

18. Лисица и виноградъ — заимствована изъ басни *Лафонтена:* „Le renard et les raisins".

19. Крестьянинъ и смерть — заимствована изъ басни *Лафонтена:* „La mort et le bûcheron".

20. Слонъ и моська — *оригинальная* басня. Относительно содержанія см. т. II „Мысли философа по модѣ".

21. Хозяинъ и мыши — *оригинальная* басня, можетъ быть, имѣющая отношеніе къ наказанію, постигшему чиновниковъ комиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, за злоупотребленія

во время войны съ Франціей. (Отъ нихъ были отняты мундиры)... Множество чиновниковъ немедленно подало въ отставку, не желая нести общаго, многими, можетъ быть, не заслуженнаго наказанія.

22. **Мѣшокъ** — *оригинальная* басня.

23. **Два голубя**— переводъ басни *Лафонтена*: „Les deux pigeons".

24. **Моръ звѣрей** — передѣлка басни *Лафонтена*: „Les animaux malades de la peste".

25. **Пѣтухъ и жемчужное зерно** — заимствована у *Лафонтена*: „Le coq et la perle".

26. **Левъ и комаръ** — переводъ басни *Лафонтена*: „Le lion et le moucheron".

27. **Роща и огонь** — *оригинальная* басня.

28. **Лягушки, просящія царя** — передѣлка басни *Лафонтена*: „Les grenouilles, qui demandent un roi".

29. **Левъ и человѣкъ** — *оригинальная* басня.

30. **Огородникъ и философъ** — источникомъ для этой басни, вѣроятно, послужила басня *Флоріана*: „Les deux jardiniers".

31. **Гуси** — *оригинальная* басня, написанная противъ дворянской спеси и о требованіи себѣ незаслуженной чести.

32. **Оселъ и соловей**. По свидѣтельству Кеневича, написана она по слѣдующему поводу: „Какой-то вельможа (по словамъ однихъ — гр. Разумовскій, по другимъ — кн. А. Н. Голицынъ) пригласилъ Крылова къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ, въ томъ числѣ одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ: „Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ?" — „Не умѣю", скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое, баснописецъ вылилъ свою желчь въ баснѣ „*Оселъ и соловей*".

33. **Листы и корни** — *оригинальная* басня. Въ ней Крыловъ рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи между сословіями. Подъ корнями разумѣются крѣпостные крестьяне.

34. **Синица** — *оригинальная* басня.

35. **Откупщикъ и сапожникъ** — передѣлка *Лафонтеновой* басни: „Le savetier et le financier".

36. Вороненокъ — переводъ басни *Лафонтена:* „Le corbeau voulant imiter l'aigle". Нравоученіе, по мнѣнію Я. Грота, указываетъ на лицепріятное отношеніе судей къ преступленію.

37. Подагра и паукъ — заимствована изъ басни *Лафонтена:* „La goutte et l'araignée".

38. Квартетъ — *оригинальная* басня. — По мнѣнію Вигеля („Воспоминанія", т. II, стр. 151), басня эта осмѣиваетъ „Бесѣду любителей русскаго слова", открытую въ 1811 г. Эта „Бесѣда", по словамъ Вигеля, имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго собранія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ.

Баронъ М. А. Корфъ указываетъ, что поводомъ къ сочиненію этой басни послужило слѣдующее обстоятельство. „Послѣ преобразованія Государственнаго Совѣта въ 1810 г., первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, кн. Лопухинъ и гр. Аракчеевъ. Продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить, и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею „Квартетъ".

39. Крестьянинъ въ бѣдѣ — *оригинальная* басня.

40. Волкъ и волчонокъ — *оригинальная* басня.

41. Обезьяна. По мнѣнію нѣкоторыхъ, басня эта имѣетъ своимъ источникомъ басню *Сумарокова*, озаглавленную: „Пахарь и обезьяна".

42. Совѣтъ мышей — *оригинальная* басня.

43. Крестьянинъ и лисица — *оригинальная* басня.

44. Воспитаніе льва — *оригинальная* басня. Она намекаетъ на воспитаніе императора Александра, порученное женевцу Лагарпу. Это обстоятельство многіе современники ставили императрицѣ Екатеринѣ въ ошибку, полагая, что гражданинъ маленькой республики не могъ быть пригоднымъ воспитателемъ для юноши, которому предстояло править величайшей въ мірѣ имперіей. Такое мнѣніе раздѣлялъ и Крыловъ. — Лагарпъ хотя и отличался благороднымъ образомъ мыслей, но не зналъ Россіи.

45. Свинья — *оригинальная* басня, направленная на невѣжественныхъ критиковъ.

46. Червонецъ — *оригинальная* басня, направленная противъ усиленно распространявшейся тогда *наружно*-европейской образованности, прививаемой французскими воспитателями-эмигрантами русскимъ людямъ въ ущербъ ихъ народному и человѣческому достоинству.

47. Орелъ и паукъ — *оригинальная* басня. Въ ней, вѣроятно, изображена судьба Сперанскаго!

48. Ручей — *оригинальная* басня. — Лобановъ („Жизнь и сочин. И. А. Крылова", стр. 53) по поводу этой басни замѣчаетъ: „Иванъ Андреевичъ по какой-то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню „Ручей". Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка — великаго художника, и, кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ".

49. Лжецъ — заимствованная, вѣроятно, у *Сумарокова* (ср. притчу „Хвастунъ").

Относительно повода, по которому написана Крыловымъ басня „Лжецъ", Кеневичъ приводитъ слѣдующій интересный разсказъ Лобанова: „Въ англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ (Крыловъ) любилъ наблюдать людей и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилыгать, разсказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличилъ ихъ длину. — „Разъ", сказалъ онъ, „передъ самымъ моимъ домомъ мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите, но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда . . . . до . . . ." Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ. Тогда Иванъ Андреевичъ, хватясь за стулъ, сказалъ: „Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь".

50. Котъ и поваръ — *оригинальная* басня.

51. Раздѣлъ — *оригинальная* басня. — Среди проявленія высокаго патріотизма во время отечественной войны, не обошлось и безъ мелочныхъ стремленій. Такъ, напр., С. Н. Глинка въ своихъ „Запискахъ о 1812 годѣ" говоритъ: „при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги". — Можетъ быть, что эти эгоистическіе расчеты и вызвали „Раздѣлъ" Крылова.

52. Волкъ на псарнѣ — *оригинальная* басня, изображающая положеніе Наполеона въ Россіи.

Стихи 1 — 14 изображаютъ положеніе Наполеона, думавшаго легко овладѣть Россіей — и между тѣмъ встрѣтившаго энергичный отпоръ.

Стихи 15 — 19 указываютъ на тѣ переговоры о мирѣ, въ которые Наполеонъ вступилъ съ Кутузовымъ 23 сентября 1812 г.

Стихи 20 — 26 заключаютъ въ себѣ рѣчи волка, довольно близкія къ тѣмъ, которыя говорилъ Наполеонъ. Богдановичъ въ своей „Истор. отеч. войны" (т. II, стр. 322) приводитъ такія выра-

женія Наполеона: „Пора положить предѣлъ кровопролитію. Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора... Я готовъ возвратиться“... Посланный Наполеономъ для переговоровъ Лористонъ говорилъ: „Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда“ (тамъ же, стр. 392).

Послѣдніе стихи изображаютъ Кутузова, не повѣрившаго Наполеону и тутъ же выпустившаго на волка гончихъ стаю: 6-го октября произошло Тарутинское сраженіе.

53. Обозъ — *оригинальная* басня, имѣющая цѣлію оправдать медлительность дѣйствій Кутузова.

Оставивъ Москву въ рукахъ французовъ, Кутузовъ уклонялся отъ рѣшительной развязки и старался лишь ослабить непріятеля. Эта кажущаяся бездѣятельность главнокомандующаго вызвала ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя. Самъ государь въ рескриптѣ на имя Кутузова упрекалъ его въ нерѣшительности. Но Кутузовъ не измѣнилъ своего плана и, какъ извѣстно, кончилъ тѣмъ, что, какъ добрый конь, вынесъ на крестцѣ свой возъ цѣлымъ и невредимымъ.

54. Ворона и курица—*оригинальная* басня, изображающая, съ одной стороны, положеніе французовъ въ опустѣвшей Москвѣ, а съ другой—и положеніе самого Наполеона.

По разсказамъ очевидцевъ, французы, голодая въ Москвѣ, ходили на охоту за воронами и кушали soupe aux corbeaux.

55. Демьянова уха — басня, можетъ быть, навѣянная басней *Барба* (ум. 1792 г.): „La politesse villageoise“.

О причинѣ появленія этой басни разсказываютъ слѣдующее: Крыловъ былъ однажды приглашенъ прочесть что-нибудь изъ своихъ басенъ въ бесѣдѣ любителей русскаго слова. Крыловъ пріѣхалъ. Читали какую-то очень длинную пьесу; публика начала скучать, и многіе даже зѣвали. Наконецъ, пьеса дочитана. Очередь за Крыловымъ. Ив. Андр. вытащилъ изъ кармана измятый клочокъ — и прочелъ „Демьянову уху“. Она пришлась очень кстати, и развеселившаяся публика наградила автора громкимъ хохотомъ отъ всей души. (По разсказу Лобанова).

56. Лисица и сурокъ—*оригинальная* басня.

57. Волкъ и кукушка—*оригинальная* басня.

58. Заяцъ на ловлѣ—*оригинальная* басня.

59. Орелъ и пчела—*оригинальная* басня.—П. А. Плетневъ говоритъ о ней: „Предметъ этой басни есть одно изъ самыхъ утѣши-

тельныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи объ орлѣ и пчелѣ нѣтъ ничего комическаго или забавнаго, потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая — трудолюбія. Такимъ образомъ, все употреблено, чтобы оставить въ душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію".

60. **Щука и котъ** — *оригинальная* басня, написанная по поводу извѣстной неудачи адмирала Чичагова, который долженъ былъ не допустить Наполеона переправиться черезъ Березину, — и не достигъ этого, уклонившись отъ направленія, по которому отступала наполеоновская армія. Наполеонъ ушелъ, а Чичаговъ при отступленіи потерялъ часть обоза и свою канцелярію. На послѣднее обстоятельство и намекаетъ стихъ: *„И крысы хвостъ у ней отъѣли"*.

61. **Водолазы** — *оригинальная* басня. — Л. Н. Майковъ въ Русской Старинѣ (февраль 1896 г.) даетъ слѣдующее объясненіе этой, вызвавшей самыя разнорѣчивыя толкованія, баснѣ: Водолазы — ученые; жемчугъ — знаніе; море — вселенная, которую стремится извѣдать наука. Крыловъ различаетъ три категоріи ученыхъ: а) лѣнивцы, отвѣдавшіе науки и не извлекшіе никакой пользы изъ пройденной ими школы; б) фантазеры, которые, схвативъ кое-какіе вершки или отрывки знаній и не дѣлая различія между тѣмъ, что уже извѣдано точнымъ наблюденіемъ, и тѣмъ, что еще остается темнымъ для строгой науки, легкомысленно берутся за рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какіе только могутъ занимать умъ человѣческій; в) трезвые ученые, поборники точнаго знанія, умѣющіе полагать предѣлы научной пытливости. Крыловъ написалъ эту басню къ торжественному открытію Императорской Публичной библіотеки въ 1813 г. подъ вліяніемъ А. Н. Оленина, директора библіотеки. Она имѣла въ виду состояніе умовъ въ тогдашнемъ обществѣ, когда, вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ галломаніи, поднялись толки о вредѣ просвѣщенія вообще.

62. **Крестьянинъ и змѣя** — *оригинальная* басня, направленная противъ обычая приставлять къ русскимъ дѣтямъ воспитателей-французовъ. Обычай этотъ особенно распространился послѣ отечественной войны и началъ возбуждать сильное неудовольствіе патріотовъ.

63. **Лягушка и Юпитеръ** — *оригинальная* басня.

64. **Прохожіе и собаки** — басня, по всей вѣроятности, *оригинальная*.

65. **Безбожники**—*оригинальная* басня.—„Нѣтъ сомнѣнія", говоритъ Кеневичъ: „что подъ этимъ безбожнымъ народомъ Крыловъ разумѣлъ французскій народъ; бѣдствія революціи и послѣдовавшія за нею тягости наполеоновскихъ войнъ онъ, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, приписываетъ исключительно вліянію философовъ, а потому и совѣтуетъ тѣмъ, кому „Богъ вручилъ о царствахъ попеченье", любить ученіе мудрецовъ, но бояться невѣрія, которое рано или поздно должно навлечь народныя бѣдствія".

66. **Крестьяне и рѣка**—*оригинальная* басня.—Эту басню Кеневичъ сопоставляетъ съ извѣстнымъ разсказомъ Гоголя („Мертв. души", т. I, гл. XI) о недогадливомъ просителѣ, которому обѣщали принести дѣло, но не несутъ. Онъ начинаетъ вывѣдывать и узнаетъ, что надо дать писарямъ. — „Почему же не дать?" говоритъ онъ: „я готовъ четвертакъ-другой"—„Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой!" отвѣчаютъ ему. — „По бѣленькой писарямъ!" восклицаетъ проситель.—„Да чего вы такъ горячитесь?" отвѣчаютъ ему: „оно такъ и выйдетъ: писарямъ достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству".

67. **Пожаръ и алмазъ**—*оригинальная* басня.

68. **Бумажный змѣй**—*оригинальная* басня.

69. **Тѣнь и человѣкъ**—напоминаетъ басню *Хемницера:* „Дуракъ и тѣнь".

70. **Прудъ и рѣка**—*оригинальная* басня.

71. **Дерево** — напоминаетъ басню *Хемницера* подъ тѣмъ же заглавіемъ.

72. **Камень и червякъ**—*оригинальная* басня.

73. **Чижъ и голубь**—имѣла, по мнѣнію Флёри, своимъ источникомъ басню *Федра*: „Passer et lepus", гдѣ разсказывается о воробьѣ и зайцѣ подобное тому, что разсказывается у Крылова о чижѣ и голубѣ. Въ заключеніи говорится, что глупо поступаютъ тѣ, которые сами не берутся, а даютъ совѣты другимъ.

74. **Орелъ и кротъ**—*оригинальная* басня.

75. **Комаръ и пастухъ**—по мнѣнію Флёри, есть весьма сжатое резюме пространной поэмы *Виргилія:* „Culex" („Комаръ").

76. **Крестьянинъ и разбойникъ**—*оригинальная* басня.

77. **Лебедь, щука и ракъ**—*оригинальная* басня.

78. **Клеветникъ и змѣя**—*оригинальная* басня.

79. Конь и всадникъ — по идеѣ и по нѣкоторымъ подробностямъ сходна со стихотвореніемъ *Державина:* „Колесница" (академич. изд. соч. Держ., т. I, стр. 524). — Создавая эту басню, Крыловъ имѣлъ въ виду французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Въ его *всадникѣ*, какъ и въ возницѣ Державина, должно видѣть Людовика XVI, а въ *конѣ*—французскій народъ.

80. Добрая лисица — *оригинальная* басня. Есть догадка, что басня эта написана противъ самохвальства тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ много трубили о своей благотворительности семействамъ, разореннымъ послѣ наполеоновскихъ войнъ.

81. Чижъ и ежъ—*оригинальная* басня, написанная на возвращеніе императора Александра I въ Петербургъ, послѣ взятія Парижа, въ 1814 г. Крыловъ трогательно объясняетъ, почему онъ не воспѣваетъ подвиговъ императора Александра, подобно другимъ поэтамъ (напр. Жуковскому, Державину).

82. Троеженецъ — *оригинальная* басня, написанная по поводу производившагося тогда въ сенатѣ бракоразводнаго дѣла Егора Борисовича Фукса, который, разведясь съ первою женою и не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго вслѣдствіе его развода со второю, вступилъ въ третій бракъ. Крыловъ придумалъ наказаніе троеженцу раньше, чѣмъ высказали свой приговоръ сенаторы.

83. Любопытный—*оригинальная* басня, написанная, по мнѣнію Флёри, противъ ученыхъ, занятыхъ мелочными изслѣдованіями. Это согласно и съ толкованіемъ Плетнева, причисляющаго басню „Любопытный" къ разряду тѣхъ произведеній Крылова, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ нелѣпъ педантизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

84. Бочка—*оригинальная* басня, направленная противъ „вреднаго ученія". По Галахову („Исторія рус. слов.", т. II, стр. 316—317, изд. 2-ое), подъ *вреднымъ ученіемъ* надо разумѣть „образъ мыслей, передаваемый молодому поколѣнію иностранцами".

85. Вельможа и философъ — *оригинальная* басня. — По догадкѣ Кеневича, она, вѣроятно, представляетъ собою сатиру на какое-то незадолго передъ тѣмъ открытое коллективное учрежденіе.

86. Лань и дервишъ—*оригинальная* басня. „Эта басня", говоритъ Кеневичъ, „представляетъ обратную сторону предмета, котораго Крыловъ коснулся въ баснѣ „Добрая лисица". Тамъ онъ порицалъ благотворителей-лицемѣровъ; здѣсь выставляетъ идеалъ доброты, тяготящейся избытками, если они не раздѣлены съ ближнимъ, и жертвующей ими безъ всякаго помысла о благодарности. Надо полагать, что и послѣдняя басня находится въ связи съ

тѣми же современными явленіями, какъ предыдущая. Она особенно замѣчательна, потому что въ ней нашъ баснописецъ представляетъ положительный идеалъ".

87. Тришкинъ кафтанъ — *оригинальная* басня, написанная на тѣхъ помѣщиковъ, которые закладывали имѣнія, не платили процентовъ, перезакладывали и, наконецъ, доходили до разоренія.

88. Туча—*оригинальная* басня.—Кеневичъ приводилъ въ связь эту басню съ баснями: „Добрая лисица" и „Лань и дервишъ" и говоритъ, что баснописецъ тутъ также разсматриваетъ благотворительность, но опять съ иной стороны.

89. Оселъ—*оригинальная* басня.

90. Мартышка и очки — *оригинальная* басня, осмѣивающая невѣжество.

91. Левъ и барсъ—*оригинальная* басня.

92. Собачья дружба—*оригинальная* басня.—Кеневичъ говоритъ: „По всей вѣроятности, въ этой баснѣ Крыловъ намекаетъ на тогдашнія политическія событія. На Вѣнскомъ конгрессѣ, на который было обращено вниманіе всей Европы, какъ извѣстно, интересы договаривавшихся державъ такъ перепутались, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшились уже поддержать свои требованія силою оружія; наконецъ, въ январѣ 1815 г. Австрія заключила съ Англіею и Франціею оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. Не эта ли вражда сторонъ, стремящихся къ миру, и вызвала басню?"

93. Крестьянинъ и работникъ—*оригинальная* басня.

94. Волкъ и лисица—*оригинальная* басня.

95. Собака—*оригинальная* басня.

96. Механикъ—*оригинальная* басня.

97. Цвѣты—*оригинальная* басня.

98. Мірская сходка — *оригинальная* басня, указывающая на несообразности нѣкоторыхъ общественныхъ постановленій.

99. Скворецъ—*оригинальная* басня.

100. Волкъ и журавль—переводъ басни *Лафонтена*: „Le loup et la cigogne".

101. Хмель—*оригинальная* басня.

102. Мышь и крыса—*оригинальная* басня.

103. Госпожа и двѣ служанки—заимствована изъ басни *Лафонтена:* „La vieille et les deux servantes".

104. Медвѣдь у пчелъ—*оригинальная* басня.

105. Зеркало и обезьяна—*оригинальная* басня, намекающая, по замѣчанію Плетнева, на то, что „стрѣлы сатиры, какъ бы онѣ остры ни были, не исправляютъ пороковъ, и никому не приходитъ въ голову приложить описаніе къ своей особѣ".

106. Рыцарь—*оригинальная* басня.

107. Крестьянинъ и топоръ—*оригинальная* басня.

108. Левъ и волкъ—*оригинальная* басня.

109. Собака, человѣкъ, кошка и соколъ — по идеѣ сходна съ басней *Эзопа:* „Пѣшеходцы и медвѣдь".

110. Волкъ и пастухи—заимствована изъ басни *Эзопа:* „Пастухи и волкъ".

111. Слонъ въ случаѣ — *оригинальная* басня. — Основная мысль ея, по замѣчанію Кеневича, разнообразно выражается въ народныхъ пословицахъ, напр.: „Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ" и др.

112. Фортуна и нищій—*оригинальная* басня.

113. Лиса-строитель—*оригинальная* басня.

114. Напраслина—*оригинальная* басня.

115. Фортуна въ гостяхъ—*оригинальная* басня.

116. Апеллесъ и ослёнокъ — *оригинальная* басня. — „По словамъ Н. И. Греча" — говоритъ Кеневичъ — „Крыловъ въ образѣ осленка изобразилъ начинавшаго тогда молодого писателя Катенина, который однажды въ Библіотекѣ преважно сказалъ, что ему Крыловъ (который дѣйствительно раза два зазывалъ его къ себѣ) надоѣлъ своими вѣчными приглашеніями".

117. Похороны — *оригинальная* басня.

118. Водопадъ и ручей.—Флёри указываетъ на близкое отношеніе этой басни къ баснѣ *Пессолье:* „Le torrent et le ruisseau".

119. Кукушка и горлинка—*оригинальная* басня.—Въ ней Крыловъ укоряетъ тѣхъ родителей, которые ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей „наемничьимъ рукамъ". Обычай прибѣгать къ этимъ „наемничьимъ рукамъ" у насъ особенно распространился послѣ отече-

ственной войны. Кромѣ того, стихъ: „Но если выросли они въ разлукѣ съ вами“ указываетъ, что Крыловъ несочувственно относился и къ отдачѣ дѣтей въ закрытыя учебныя заведенія. Въ этомъ случаѣ нашъ баснописецъ разошелся во взглядахъ съ правительствомъ, которое въ Александровскую эпоху усиленно заботилось объ открытіи интернатовъ.

120. **Сочинитель и разбойникъ**—*оригинальная* басня.—Гоголь не видитъ въ этой баснѣ намековъ на какого-либо извѣстнаго писателя и относитъ ее вообще къ писателямъ, избравшимъ ложное и вредное направленіе. Нѣкоторые же думаютъ, что эта басня Крылова имѣетъ въ виду Вольтера.

121. **Мотъ и ласточка**—заимствована у *Эзопа*.

122. **Алкидъ**—заимствована у *Эзопа* („Ираклъ и Аѳина“).

123. **Гребень**—*оригинальная* басня.

124. **Скупой и курица** — заимствована изъ басни *Лафонтена*: „La poule aux oeufs d'or“.

125. **Двѣ бочки**. — Флёри замѣчаетъ, что тема этой басни многократно обработывалась во *французской литературѣ;* авторовъ же этихъ обработокъ онъ однако не указываетъ.

126. **Охотникъ** — *оригинальная* басня. — Идея ея, какъ замѣчаетъ Кеневичъ, выражается народн. пословицей: „Не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня“.

127. **Пловецъ и море** — заимствована у *Эзопа*.

128. **Крестьянинъ и змѣя** — *оригинальная* басня.

129. **Левъ и лисица** — переводъ басни *Эзопа* подъ тѣмъ же заглавіемъ.

130. **Муравей** — *оригинальная* басня.

131. **Овцы и собаки** — *оригинальная* басня.

132. **Оселъ и мужикъ** — *оригинальная* басня.

133. **Медвѣдь въ сѣтяхъ** — представляетъ собою развитіе весьма сжатой басни *Эзопа*: „Медвѣдь и лисица“. — Положеніе медвѣдя, попавшаго въ сѣти, его оправданіе и роль ловчаго — все это, замѣчаетъ Кеневичъ, напоминаетъ басню „Волкъ на псарнѣ“.

134. **Колосъ** — *оригинальная* басня.

135. **Мальчикъ и червякъ** — *оригинальная* басня.

136. Пастухъ и море — заимствована изъ басни *Лафонтена*: „Le berger et la mer“, передѣланной изъ басни Эзопа: „Пастухъ и море“. — Басню эту перевелъ и Сумароковъ („Пастухъ-мореплаватель“).

137. Мальчикъ и змѣя. — Основная мысль заимствована изъ басни *Эзопа*: „Мальчикъ, ловящій саранчу, и скорпіонъ“.

138. Пчела и мухи — *оригинальная* басня.

139. Трудолюбивый медвѣдь — *оригинальная* басня.

140. Ягненокъ — *оригинальная* басня, о которой Кеневичъ говоритъ слѣдующее: „По словамъ В. А. Олениной, басню эту Крыловъ написалъ для ея младшей сестры, Анны Алексѣевны, когда она была еще ребенкомъ“. Этимъ и объясняется обращеніе къ Анюточкѣ и необыкновенная простота разсказа.

141. Крестьянинъ и овца — *оригинальная* басня.

142. Василекъ — *оригинальная* басня. — Въ началѣ 1823 г. Крылову случилось заболѣть: его поразилъ ударъ, искрививший ему лицо. Онъ пробылъ въ домѣ Оленина почти до самаго выздоровленія, а весною, когда императрица Марія Ѳеодоровна переѣхала въ Павловскъ, она, узнавъ о болѣзни любимаго ею баснописца, приказала Оленину перевезти его туда же, сказавъ: „Подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣй поправится“. Благодарный Крыловъ излилъ свои чувствованія баснею „Василекъ“, написавъ ее въ одномъ изъ альбомовъ, разложенныхъ въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, для удовольствія посѣтителей.

143. Кошка и соловей — *оригинальная* басня. — Основываясь на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ современниковъ Крылова, Кеневичъ говоритъ, что басня эта касалась вопроса о цензурѣ. „Въ ней онъ (Крыловъ) изобразилъ состояніе русской литературы, которая въ тѣ времена подверглась цензурнымъ стѣсненіямъ. Хотя цензоры обязаны были руководиться цензурнымъ уставомъ 1804 г., однако примѣненіе его зависѣло отъ личнаго взгляда... Цензура переходила иногда въ область литературной критики и возвращала рукописи для исправленія слога.

144. Двѣ собаки — близка по содержанію къ баснѣ *Измайлова*: „Два кота“.

145. Рыбьи пляски — *оригинальная* басня.

146. Муха и пчела — заимствована изъ басни *Лафонтена*: „La mouche et la fourmi“.

147. Богачъ и поэтъ. — Прототипъ этой басни Флёри находитъ въ стихотвореніи *Шиллера*: „Раздѣлъ земли“.

148. Прихожанинъ — *оригинальная* басня. — Поводомъ къ ея сочиненію, какъ думаютъ, послужило слѣдующее: въ то время, какъ Петербургъ восторженно встрѣчалъ басни Крылова,—Москва относилась къ нему холодно, можетъ быть, потому, что въ стѣнахъ ея жилъ Дмитріевъ, и ей тяжело было уступить его вѣнокъ петербургскому баснописцу. Эта холодность Москвы могла задѣть самолюбіе Крылова и вызвать его остроумную насмѣшку.

149. Левъ состарѣвшійся — заимствована изъ басни *Лафонтена*: „Le lion devenu vieux“.

150. Лисица и оселъ — представляетъ собою дальнѣйшее развитіе сюжета басни: „Левъ состарѣвшійся“.

151. Мельникъ—*оригинальная* басня.—По словамъ Плетнева, Крыловъ изобразилъ здѣсь свою расчетливость и бережливость.

152. Пестрыя овцы—*оригинальная* басня.

153. Ворона — близка къ баснямъ: *Эзопа* („Соя и голуби“), *Федра* (кн. I, б. 3), *Лафонтена* („Le geai paré des plumes du paon“).

154. Булыжникъ и алмазъ — *оригинальная* басня. — Идея ея выражается народной пословицей: „Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“.

155. Плотичка—*оригинальная* басня, по словамъ В. А. Олениной, написанная для одного изъ племянниковъ жены А. Н. Оленина—Полторацкаго.

156. Паукъ и пчела — *оригинальная* басня.

157. Крестьянинъ и змѣя — *оригинальная* басня.

158. Котелъ и горшокъ. — Основа разсказа заимствована изъ басни *Лафонтена*: „Le pot de terre et le pot de fer“.

159. Свинья подъ дубомъ.—Идея заимствована изъ басни *Эзопа*: „Пѣшеходцы и яворъ“. Сходна по сюжету съ басней Крылова и басня *Лессинга*: „Die Eiche und der Schwein“.

160. Змѣя и овца—*оригинальная* басня.

161. Дикія козы. Содержаніе заимствовано изъ басни *Эзопа*: „Пастухъ и козы“.

162. Голикъ—*оригинальная* басня.

163. Соловьи—*оригинальная* басня.

164. Скупой—*оригинальная* басня.

165. Волкъ и мышенокъ—*оригинальная* басня.

166. Два мужика—*оригинальная* басня.

167. Котенокъ и скворецъ — имѣетъ отдаленное сходство съ басней *Лафонтена*: „Les deux moineaux“.

168. Бритвы—*оригинальная* басня, значеніе которой объяснено у Гоголя: „Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло,—онъ (Крыловъ) написалъ замѣчательную басню: „Двѣ бритвы“ и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые „людей съ умомъ боятся и терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ“.

169. Бѣдный богачъ—*оригинальная* басня.

170. Пушки и паруса—*оригинальная* басня.—„Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди“, говоритъ Гоголь, „стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ, и въ ней одно спасеніе; а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притруниватъ надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія,—Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ: „Держава всякая сильна...“ и т. д.

171. Крестьянинъ и лошадь—*оригинальная* басня.

172. Бѣлка—*оригинальная* басня.

173. Щука—*оригинальная* басня.

174. Кукушка и орелъ—*оригинальная* басня.

175. Левъ, серна и лиса—*оригинальная* басня.—Я. Гротъ находитъ соотношеніе между этой басней и басней „Левъ и человѣкъ“. „Басня: *Левъ и человѣкъ*“, говоритъ онъ, „была напечатана только въ двухъ первыхъ изданіяхъ басенъ Крылова (1809 и 1811 г.). Поэтому можно заключить, что онъ вовсе оставилъ ее; но между позднѣйшими его баснями есть одна, которая, кажется, не что иное, какъ пересозданіе „Льва и человѣка“. Въ этой послѣдней Крыловъ справедливо созналъ не только отсутствіе художественнаго развитія, но бѣдность вымысла, а потому, сохранивъ въ основѣ первоначальную идею, онъ облекъ ее въ другіе образы: такъ произошла около 1830 года басня: „Левъ, серна и лисица“,

въ которой вновь изображена побѣда хитрости или ума надъ тѣлесной силой... Это двоякое выполненіе одного и того же сюжета въ два періода, на разстояніи 20 лѣтъ слишкомъ одинъ отъ другого, показываетъ, какъ настойчивъ былъ Крыловъ въ преслѣдованіи родившейся у него художественной идеи и какъ взыскателенъ къ себѣ въ ея разработкѣ". (Сборн. стат., чит. во II отд. Ак. Наукъ, т. VI, Дополн. изв. о Крыловѣ).

176. Соколъ и червякъ—*оригинальная* басня.

177. Булатъ—*оригинальная* басня.

178. Купецъ—*оригинальная* басня.

179. Миронъ—*оригинальная* басня.

180. Крестьянинъ и лисица—*оригинальная* басня.

181. Оселъ—очень близка къ баснѣ *Эзопа*: „Собака".

182. Филинъ и оселъ—*оригинальная* басня.

183. Собака и лошадь—*оригинальная* басня.

184. Левъ—*оригинальная* басня.

185. Змѣя—*оригинальная* басня.

186. Волкъ и котъ—*оригинальная* басня.

187. Лещи—*оригинальная* басня.

188. Три мужика. Флёри полагаетъ, что сюжетъ этой басни заимствованъ изъ *старинной французской басни*: „Les deux bourgeois et le vilain".

189. Пастухъ—*оригинальная* басня.

190. Бѣлка—*оригинальная* басня.

191. Мыши—*оригинальная* басня.

192. Лиса—вѣроятно, *оригинальная* басня.

193. Волки и овцы—*оригинальная* басня.

194. Крестьянинъ и собака—*оригинальная* басня.

195. Разбойникъ и извозчикъ—*оригинальная* басня.

196. Левъ и мышь. Сюжетъ этой басни одинаково могъ быть заимствованъ какъ изъ басни *Эзопа*: „Левъ и мышь", такъ и изъ басни подражавшаго ему *Лафонтена*: „Le lion et le rat".

197. Вельможа — *оригинальная* басня. — Относительно этой басни у Кеневича помѣщенъ цѣлый разсказъ, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ. Въ 1836 г. при дворѣ устраивался маскарадъ. Крыловъ былъ въ числѣ приглашенныхъ. На этомъ маскарадѣ онъ прочелъ одно стихотвореніе въ шутливомъ родѣ — и государь выслушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ. Тогда Крыловъ черезъ гр. Бенкендорфа попросилъ у государя позволенія прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ согласіе — и Крыловъ прочелъ „Вельможу". Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: „Пиши, старикъ, пиши". Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ просилъ высочайшаго разрѣшенія напечатать басню — и получилъ его. Такимъ образомъ, басня, написанная еще въ 1835 г., появилась въ печати лишь годъ спустя, что подаетъ поводъ думать, что или цензура ея не пропускала, или Крыловъ предполагалъ, что она ея не пропуститъ.

198. Два мальчика. Эта басня должна быть признана *оригинальной.*

199. Кукушка и пѣтухъ — *оригинальная* басня. — Въ ней въ образѣ пѣтуха и кукушки изображены Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями „Сѣверной Пчелы", при всякомъ удобномъ случаѣ восхваляли другъ друга.

200. Пиръ — *оригинальная* басня.

201. Обѣдъ у медвѣдя. — Басня эта найдена въ одномъ рукописномъ сборникѣ первой четверти текущаго столѣтія. Хотя нѣтъ достаточныхъ данныхъ считать ея авторомъ Крылова, но нѣтъ ихъ также и для того, чтобы отрицать принадлежность ея перу нашего баснописца — и потому басня эта, по выраженію Я. Грота, „остается въ подозрѣніи".

Слѣдовательно, изъ 200 басенъ 137 оригинальныхъ, 63 подражательныхъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

БАСЕНЪ КРЫЛОВА СЪ УКАЗАНІЕМЪ СТРАНИЦЪ.

Печатается

томъ II избранныхъ сочиненій И. А. Крылова, который будетъ содержать:

1. Біографію баснописца, составленную П. А. Плетневымъ въ 1845 году и украшенную четырьмя портретами И. А. Крылова въ разные годы его жизни, памятникомъ и автографомъ.

2. Прозаическія сочиненія: **Каибъ**, восточная повѣсть; **Почта духовъ; Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ; Мысли философа по модѣ.**

3. Комедіи: **Модная лавка**, въ трехъ дѣйствіяхъ **Урокъ дочкамъ**, въ одномъ дѣйствіи.